

63.5  
П-43

Богородские  
обряды древ-  
нейшей елины









63.5

Толл П-43

СМ-0210

12.9



Горький

Горький

Учв. А. С. Ш.

-825-

А. 2855-432

### ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ДРЕВНИХЪ ЕГИПЦАНЪ.

№ ~~10~~ 1202<sup>15711</sup> 1937

Историческое изученіе прошлой жизни человечества распадается на двѣ совершенно-различныя науки: на *исторію политическую*, или собственно такъ-называемую исторію, и на *исторію народныхъ обычаевъ*. Въ то время, какъ политическая исторія, благодаря гениальнымъ трудамъ Гизо, Минье и Тьерри, въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ стала самою популярною наукою во Франціи, исторія народныхъ обычаевъ, послѣ неудачныхъ попытокъ Бартеlemi и Дезобри, не сдѣлала никакихъ успѣховъ въ этой странѣ. Кажется, читающая публика совершенно забыла, что картина политическихъ судебъ каждаго народа неполна, если въ основаніи ея не лежитъ глубокое знаніе частнаго быта, домашней жизни, правовъ, обычаевъ, религиозныхъ и социальныхъ возрѣній этого народа. Въ то время, какъ археологія, или наука о монументальныхъ памятникахъ народовъ, нынѣ процвѣтающая во Франціи, ежедневно доставляетъ этой *внутренней исторіи народовъ* новые и богатѣйшіе матеріалы для разработки—потому-что истинная исторія міра высѣчена на барельефахъ, написана на фрескахъ стѣнъ дворцовъ и гробницъ и рассказана на виньеткахъ папирусныхъ и пергаментныхъ манускриптовъ—ни одинъ новый замѣчательный дѣятель не выступилъ во Франціи на этомъ прекрасномъ научномъ поприщѣ.

Это забвеніе исторіи народныхъ обычаевъ легко объясняется, если мы вспомнимъ, на чемъ основанъ колоссальный успѣхъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ во Франціи. Всѣ попытки, до-сихъ-поръ тамъ сдѣланныя, написать исторію народныхъ обычаевъ, были лишены научной основы, научной критики, потому-что краски различнѣйшихъ эпохъ были соединяемы въ нихъ для изображенія картины одной эпохи. Кромѣ этого капитального недостатка, они отличались скучною сухостью и педантскимъ тономъ въ изложеніи. Съ-тѣхъ-поръ, какъ великіе французскіе современные политическіе историки обогатили литературу этой

Т. СХVІІІ. — Од. I.

26

С-П. 1959

Горно-Алтайскій  
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ  
БИБЛИОТЕКА

Инв. № 1988

умной и впечатлительной нации своими образцовыми произведениями, основанными на строгой разработкѣ источниковъ, истинными по художественному воссозданію колорита мѣстности и времени и въ то же самое время глубоко-потрясающими душу читателя, публика была въ правѣ требовать подобнаго же научнаго изложенія и отъ исторіи народныхъ обычаевъ. Въ матеріалы находились у нея подъ-рукою или, лучше сказать, она была вдвое-богаче ими, нежели исторія политическая. Кромѣ летописей и всей письменной литературы, въ ея распоряженіи находился еще весь необъятный матеріалъ, доставляемый ей монументальными памятниками народовъ. Благодаря двоякою помощью и она должна была бы воссоздать прошлые времена во всей истинѣ, съ знаніемъ ученаго и увлеченіемъ художника; но до-сихъ-поръ никто не проложилъ новыхъ путей въ этой наукѣ.

Нужно быть одарену отъ природы очень-многими счастливыми качествами, чтобъ преодолѣть все трудности, представляемая обработкою исторіи народныхъ обычаевъ, согласно съ этими требованіями современной науки. Только немногіе избранные умѣютъ угадывать и передавать историческій колоритъ прошедшихъ временъ. Пѣсколько поэтовъ нашихъ двѣи умѣли воссоздать удивительныя по своей вѣрности картины среднихъ вѣковъ. Съ другой стороны, Огюстенъ Тьерри первый понялъ, что если исторія, представляющая неизсякаемый источникъ для драмъ, хочетъ также волновать читателя, какъ драма, то она должна быть писана съ тою же живостью воображенія, съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ и драма, но вмѣстѣ и съ тѣмъ спокойнымъ сознаніемъ, какъ труды ученаго. Этими двумя качествами — умѣнемъ усвоить колоритъ эпохи и дѣйствовать на душу читателя — долженъ владѣть въ высшей степени историкъ народныхъ обычаевъ. Не поэтическія фикціи, не слабая нить романа, проводимая въ сочиненіяхъ Бартеlemi и Дезобри, могутъ увлечь или волновать душу читателя, заставляя его воображеніе переноситься въ отдаленныя эпохи, въ среду совершенно намъ чуждыхъ обычаевъ и сочувствовать всемъ дѣйствіямъ давно-умершихъ личностей, а строгая истина, вполне-восспроизводимая перомъ художника-ученаго. Такимъ-образомъ историкъ народныхъ обычаевъ не только долженъ быть полнымъ властелиномъ надъ необыкновенно-обширнымъ матеріаломъ науки, но и быть одаренъ интуитивнымъ чувствомъ поэта и художественнымъ тактомъ артиста. Серьезность — это отличительное качество науки — не потеритъ никакого ущерба отъ этихъ новыхъ элементовъ, вводимыхъ въ науку, напротивъ, только введеніе художественнаго элемента можетъ дать жизнь исторіи народныхъ обычаевъ. Стилъ и композиція подобнаго труда должны быть ознаменованы его печатью, по-

тому—что умное расположение различныхъ плановъ подобной картины, допуская группированіе безконечныхъ деталей этой науки, должно постепенно возбуждать болѣе-и-болѣе интересъ въ читателѣ. Только введеніемъ этихъ новыхъ стихій проявится въ исторіи народныхъ обычаевъ та полная жизнь, которая съ такимъ изобиліемъ течетъ въ гениальныхъ трудахъ новѣйшихъ историковъ Франціи.

Но преодоленіемъ этихъ трудностей, невозможнымъ безъ богатыхъ природныхъ способностей, не ограничивается задача историка народныхъ обычаевъ. Въ то время, какъ политическій историкъ всегда въ—правѣ предполагать, что читатель знакомъ съ главными фактами всеобщей исторіи, историкъ народныхъ обычаевъ совершенно-непонятенъ читателю. Онъ живетъ совершенно въ другомъ мірѣ, въ которомъ каждый непосвященный — чужестранецъ, непонимающій его языка. Историкъ политическій пишетъ картины и никогда не пускается въ терминологическія объясненія. Его понимаетъ весь міръ. Когда онъ рассказываетъ какое-нибудь морское сраженіе, то не объясняетъ, что такое флотъ; говоря о законодательствѣ Солона, онъ не толкуетъ, что такое законы. Историкъ народныхъ обычаевъ долженъ сперва объяснить читателю всѣ термины своей науки, всѣ детали безконечнаго числа предметовъ, въ нее входящихъ, прежде, нежели осмѣлится приступить къ возсозданію полной картины прошлыхъ вѣковъ. Разсказъ на самомъ интересномъ мѣстѣ вдругъ прерывается терминологическимъ объясненіемъ или критическимъ изслѣдованіемъ. Самый гениальный историкъ народныхъ обычаевъ не въ-состояніи устранить этихъ преградъ. На каждомъ шагѣ читатель остановитъ его вопросами, что такое гипогей, циклопическій памятникъ, триглифъ, канопъ, наумахія и т. д. Если историкъ народныхъ обычаевъ хочетъ писать не для однихъ адептовъ, то онъ долженъ, прерывая свой разсказъ, объяснять эти термины, анализировать вѣкъ памятника, толковать смыслъ надписи, возстановлять эпоху сооруженія развалины и только рѣшивъ строгимъ научнымъ путемъ эти детали, можетъ приступить къ возсозданію живой драматической картины прошлаго.

Но какимъ образомъ ввести драматическій интересъ въ эту науку? откуда взять для него нужные элементы? Исторія народныхъ обычаевъ есть оборотная сторона медали, называемой политической исторіею. Все увлекаетъ и восхищаетъ насъ въ политической исторіи: на этой сценѣ дѣйствуетъ величіе страсти и величіе личности; изъ столкновенія противоположныхъ страстей возникаютъ страшныя драмы, а постепенное развитіе человѣческаго духа представляетъ изумительное зрѣлище. Совершенно-другой міръ дѣйствуетъ въ исторіи обычаевъ: здѣсь интересны

не лица, а предметы. Но гений торжествуетъ надъ всѣми затрудненіями, представляемыми даже самымъ неблагодарнымъ матеріаломъ: историкъ народныхъ обычаевъ долженъ уметь внушить читателю сочувствіе къ предметамъ неодушевленнымъ; и если его кисть не будетъ воспроизводить столкновений возбужденныхъ страстей, то ему предстоитъ другая великая задача: начертить грандіозные типы цѣлыхъ народовъ, цѣлыхъ эпохъ. Само-собою разумѣется, что подобный историкъ тогда только получитъ благотворное вліяніе на читающую публику и созданная имъ наука станетъ общимъ достояніемъ, когда онъ сдѣлаетъ ее всѣмъ-доступною. Наука должна быть не туманною звѣздой, видимою только астрономомъ посредствомъ сильнаго телескопа, но солнцемъ, которое разливаетъ свои лучи на весь міръ.

Такова была высокая задача, которой рѣшеніе предпринялъ молодой французскій ученый Эрнестъ Фейдо, издавшій въ 1857 году первый выпускъ большаго сочиненія, имѣющаго предметомъ одинъ изъ обычаевъ, входящихъ въ область этой науки. Сочиненіе его выходитъ подъ заглавіемъ: «*Histoire des usages funèbres et des sepultures des peuples anciens*», Paris, 1857 («Исторія похоронныхъ обрядовъ и гробницъ народовъ древняго міра»). Оно будетъ обнимать всѣ народы древности, именно: египтянъ, индійцевъ, ассирійанъ, персовъ, іудеевъ, малоазіатцевъ, грековъ, этрусковъ, римлянъ и варваровъ. Десять лѣтъ употребилъ авторъ на этотъ трудъ, и французское правительство издаетъ его нынѣ самымъ великолѣпнымъ образомъ, съ превосходными гравюрами, хромофотографіями и полиптиками. Первый выпускъ, составляющій томъ in 4<sup>o</sup> въ 239 стр. и содержащій въ себѣ изложеніе похоронныхъ обрядовъ древнихъ египтянъ, показался мнѣ столь любопытнымъ, что я рѣшился познакомить съ нимъ въ извлеченіи читателей «Отечественныхъ Записокъ». Но трудъ мой не ограничивается однимъ извлеченіемъ изъ сочиненія Эрнеста Фейдо: я повѣрилъ и дополнилъ рассказъ его показаніями Геродота и Діодора и трудами Росселини, Улемана, Абена, Пассалаквы и другихъ извѣстныхъ египтологовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ въ новѣйшее время. Наука о древнемъ Египтѣ составляетъ нынѣ предметъ глубочайшаго изученія въ Западной Европѣ и поэтому одна изъ замѣчательнѣйшихъ сторонъ таинственной жизни египтянъ не можетъ не возбудить интереса и у насъ, гдѣ этотъ предметъ совершенно-неизвѣстенъ и потому совершенно-новъ.



Изъ всѣхъ церемоній, связанныхъ съ поклоненіемъ египетскимъ богамъ, ни одна не представляетъ столько важности и интереса, ни одна не посвящаетъ насъ такъ глубоко во всѣ тайны египетской жизни и религіозныхъ воззрѣній, ни одна не связана такъ тѣсно съ исторіею египетскаго искусства во всѣ времена, какъ исторія похоронныхъ обрядовъ этого народа. Съ перваго взгляда этотъ предметъ можетъ показаться слишкомъ—одностороннимъ и слишкомъ—печальнымъ по своему содержанію, но, изучая его ближе, видишь съ удивленіемъ, что онъ невольно можетъ уречь вниманіе каждаго: въ немъ много любопытныхъ и разнообразныхъ подробностей, много оригинальныхъ обычаевъ, совершенно-исчезнувшихъ съ лица земли, много важныхъ, совершенно-неизвѣстныхъ фактовъ и наконецъ съ ними связано объясненіе многихъ памятниковъ, занимающихъ важное мѣсто въ исторіи искусства. Въ-самомъ-дѣлѣ, ни въ одной вѣтви искусства не проявляется такъ явно вліяніе египтянъ на всѣ народы древняго міра, какъ въ сооруженіи надгробныхъ памятниковъ: формы, ими созданныя, перешли ко всѣмъ цивилизованнымъ народамъ древняго міра. Такимъ образомъ религіозныя вѣрованія, народные обычаи и искусство — словомъ, вся высшая духовная жизнь народа отразилась всего-полнѣе въ погребальныхъ обрядахъ древнихъ египтянъ и заставляетъ насъ посвятить изученію этого любопытнаго предмета особое вниманіе.

Въ высшей степени замѣчательно, что первый великій народъ, появившійся на поприщѣ всемірной исторіи, народъ, едва-вышедшій изъ періода дѣтства и первый, положившій на землѣ основаніе законамъ, наукѣ и искусству — словомъ, первый, утвердившій господство мысли чловѣка надъ міромъ, народъ египетскій, болѣе всѣхъ народовъ древняго міра чтилъ смерть. Въ этомъ почитаніи смерти состоитъ, можетъ-быть, самая оригинальная черта египетскаго народа и, безъ-сомнѣнія, онъ не предчувствовалъ, что надгробные его памятники, которыхъ до насъ дошло огромное количество, рассказывая самамалѣйшія подробности этого трогательнаго почитанія смерти, передадутъ, по прошествіи тысячелѣтій, позднѣйшимъ поколѣніямъ, вмѣстѣ съ ними и драгоцѣннѣйшіе рассказы о его политической и частной жизни.

Причины, создавшія погребальные обычаи древнихъ египтянъ, народа, сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, жившаго внѣ всѣхъ сосѣднихъ современныхъ цивилизацій, были весьма-многообразны. Они были основаны на глубокомъ чувствѣ семейныхъ обязанностей, на желаніи сохранить себя на вѣчныя времена и наконецъ на таинственныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Египтяне не хотѣли, чтобъ тѣло чловѣка послѣ смерти распадалось въ прахъ. Во всѣ времена своей четырехтысячелѣтней



исторіи они вели исполненную ума борьбу съ разрушеніемъ, тѣмъ болѣе замѣчательную, что они были почти единственный во всѣ времена народъ, который вѣчно велъ упорно и необыкновенно—постоянно подобную борьбу съ тлѣніемъ. Намъ неизвѣстно, когда родилась въ египетскомъ народѣ религіозная идея, побудившая его хранить тѣло отъ распада: въ тѣ ли времена, когда этотъ народъ изъ дальняго Сѣвера перешелъ въ благодатную долину Нила или когда онъ, поселясь въ ней, въ—теченіе цѣлыхъ столѣтій полагалъ основанія гражданской жизни, строилъ себѣ прочныя жилища, основывалъ первые города, а жрецы начинали валагать на всю жизнь тѣ формы, которымъ онъ навсегда осталась подчиненною. Но уже съ самыхъ раннихъ историческихъ временъ мы находимъ у нихъ господствующимъ обычаемъ бальзамировать тѣла усопшихъ и создавать тѣ оригинальныя формы гробницъ, которыя характеризуютъ египетское искусство. Исторія искусства открываетъ такой далекій горизонтъ въ вопросѣ о происхожденіи и первоначальномъ развитіи человѣческаго рода, что, какъ въ геологіи относительно образованія земной коры, такъ и въ археологіи должно будетъ допустить нѣсколько тысячелѣтій для объясненія факта: какимъ образомъ человѣкъ отъ грубой землянки дошелъ до искусственной системы бальзамированія и сооруженія гигантскихъ пирамидъ.

Наконецъ, достойно замѣчанія последнее обстоятельство: всѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о египетскомъ бальзамированіи и погребеніи мертвыхъ, точно такъ, какъ и о всѣхъ другихъ египетскихъ обычаяхъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію или отрицанію: они переданы намъ памятниками. Сами египтяне не оставили описаній ни своихъ погребальныхъ обычаевъ, ни своихъ погребальныхъ памятниковъ: и тѣ и другіе извѣстны намъ только изъ рассказовъ, иногда неочень-вѣрныхъ, греческихъ и римскихъ историковъ. До начала нынѣшняго столѣтія, всѣ свѣдѣнія о Египтѣ ограничивались извѣстіями, сообщаемыми Геродотомъ и Діодоромъ. Нынѣ Египетъ рассказываетъ намъ свою жизнь, и рассказъ его во многомъ разнится отъ рассказовъ греческихъ. Мы наконецъ узнали, что и онъ написалъ намъ свою исторію, но не такъ, какъ Греція и Римъ — на летучихъ листахъ бумаги, но на вѣчномъ гранитѣ стѣнъ своихъ храмовъ, дворцовъ и гробницъ. Эти рассказы не подлежатъ сомнѣнію или отрицанію, потому-что памятники не могутъ лгать. Развѣ можно отрицать употребленіе у египтянъ плуга, колесницъ, боевыхъ орудій и т. д., когда эти предметы изображены на стѣнахъ египетскихъ зданій? Развѣ можно сомнѣваться въ существованіи пирамидъ? Каждый имѣетъ право разбирать вопросъ о существованіи Гомера, но египетскій храмъ развѣ подлежитъ такому разбору? Что въ

Египтъ существовали весьма-разнообразные способы бальзамированія и погребенія мертвыхъ, это доказываютъ сотни картинъ египетскихъ, тысячи мумій и гробницъ. Въ существованіи ихъ мы можемъ убѣдиться собственными глазами. Но здѣсь неожиданно возникаетъ новое затрудненіе: эти памятники не всегда согласны съ разсказами иностранныхъ историковъ. Явно, что въ этомъ вопросѣ большая вѣроятность должна очевидно находиться на сторонѣ простосердечныхъ *отечественныхъ* памятниковъ, нежели на сторонѣ чужеземныхъ историковъ. Въ качествѣ иностранцевъ, эти историки могли не знать во всей полнотѣ народныхъ обычаевъ, да и кромѣ того они могли быть введены въ обманъ ложными разсказами, которые сообщались имъ. Поэтому, тамъ, гдѣ подымается разногласіе между памятниками и историками, строгая критика фактовъ вступаетъ въ свои права и съ помощью ея современная наука возсоздаетъ живые образы прошлаго.

«Трауръ и погребеніе мертвыхъ (говоритъ Геродотъ, II, 83), происходятъ въ Египтѣ слѣдующимъ образомъ.

«Когда умереть въ какомъ-либо домѣ значительный человѣкъ, то всѣ женщины этого дома посыпаютъ себѣ прахомъ главу и даже лицо; потомъ оставляютъ онѣ покойника дома, сами же, подвязавъ себѣ платье поясомъ, обнажаютъ грудь, ударяютъ себя въ нее и, плача, ходятъ по всему городу со всею женскою своею роднею. Съ своей стороны, и мужчины опоясываютъ себя подобнымъ же образомъ и бьютъ себя тоже въ грудь. Совершивъ эту церемонію, они относятъ покойника въ то мѣсто, гдѣ живутъ бальзамировщики.

«У другихъ народовъ (прибавляетъ онъ, II, 36) есть обычай, чтобъ во время траура близкіе родственники остригали себѣ волосы; египтяне, напротивъ, въ случаѣ смерти, отпускаютъ себѣ волосы на головѣ и бородѣ».

«Когда умиралъ царь египетскій (говоритъ Діодоръ, I, 72), то на всю страну налагался трауръ. Жители раздирали на себѣ одежды, запирали храмы, не приносили жертвъ и не отправляли никакихъ торжествъ въ-теченіе семидесяти-двухъ дней. Посыпавъ голову прахомъ и опоясавшись подъ грудью, мужчины и женщины, толпами изъ двухсотъ до трехсотъ человѣкъ, ходили по городу и дважды въ день пѣли жалобныя пѣсни, въ которыхъ прославляли добродѣтели покойника. Въ эти дни египтяне воздерживались отъ мясной и мучной пищи, вина и вообще хорошаго стола; вовсе не употребляли ваннъ, не умащали тѣла, не лежали на мягкихъ подушкахъ и воздерживались отъ наслажденій любви. Каждый проводилъ эти дни траура въ глубочайшемъ горѣ, какъ-будто у него умеръ любимый ребенокъ».

Оба эти разсказа чрезвычайно-вѣрны. Всѣ фрески египетскихъ гробницъ передаютъ намъ подобныя детали: тутъ изображены женщины съ распушенными волосами, съ платьемъ, подвизаннымъ ниже груди. Онѣ нагибаются къ землѣ, чтобъ набрать ее и посыпать ею себѣ голову. Онѣ бьютъ себя въ грудь и раздираютъ руками лицо. На другихъ фрескахъ группами сидятъ онѣ, согнувшись; иногда стоятъ, плачутъ или кричатъ, сопровождая слова свои патетическими жестами. Нетрудно раздѣлить этихъ женщинъ на два класса: однѣ изъ нихъ, почти нагія, вполне-преданныя горю, суть, вѣроятно, рабыни или служанки покойника; другія, въ длинныхъ платьяхъ и съ лентами на головѣ—или родственницы покойника, или наемныя плакальщицы.

Затѣмъ покойника привосили къ бальзамировщикамъ. «Въ Египтѣ (говоритъ Геродотъ, II, 86) есть особый классъ людей, которымъ законъ предписалъ заниматься бальзамированіемъ мертвыхъ. Когда къ нимъ принесутъ покойника, то они показываютъ родственникамъ модели мумій, сдѣланныя изъ дерева и очень-натурально расписанныя. Первая и самая драгоценная изображаетъ, по ихъ словамъ, того, котораго имя я не смѣю здѣсь произнести (Озириса); потомъ показываютъ вторую, которая по работѣ ниже первой и дешевле, наконецъ третью, которая дешевле всѣхъ. Потомъ они спрашиваютъ, цо которой изъ трехъ моделей желаютъ родственники, чтобъ покойникъ былъ бальзамированъ. Наконецъ, условившись въ цѣнѣ, родственники уходятъ домой, а бальзамировщики приступаютъ къ своему занятію».

«Есть три рода похоронъ (говоритъ Діодоръ, I, 91): богатые, средніе и бѣдные. Первые стоятъ серебряный талантъ (5,500 р. асс.), вторые 20 минъ (1832 р. асс.) и третьи очень-незначительную сумму. Тѣ, которые занимаются погребальными обрядами, принадлежатъ къ наследственному ремесленному сословію. Они подаютъ родственникамъ покойника списокъ цѣнъ всѣхъ похоронныхъ издержекъ и спрашиваютъ, по какой такѣ желаютъ они, чтобъ сдѣлано было погребеніе. Условившись въ цѣнѣ, они берутъ съ собою покойника и передаютъ его людямъ, для того назначеннымъ, которые приступаютъ тогда къ бальзамированію по обычаю».

Такимъ образомъ, въ Египтѣ существовалъ многочисленный классъ людей, котораго ежедневное занятіе соединено было съ идеею о смерти.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ обширѣйшемъ городѣ древняго Египта, въ однѣхъ Оивахъ, классъ этотъ былъ чрезвычайно многочисленъ.

Нилъ раздѣлялъ Оивы на двѣ части: городъ, лежащій на правомъ берегу, который Египтяне называли Офъ, а Греки Диосполисъ (то есть городъ Аммона), въ которомъ жили граждане; и городъ, лежащій на

лѣвомъ берегу, называвшійся Мемнонія, то есть городъ вѣчныхъ памятниковъ, гробницъ. Здѣсь находились религіозныя зданія, храмы, коллегіумы жрецовъ и жилища той обширной касты, которая занималась бальзамированіемъ мертвыхъ и сооруженіемъ гробницъ. Собственно такъ-называемымъ бальзамировщикамъ было запрещено ходить въ Диосполисъ. Такъ-какъ погребальная церемонія состояла изъ весьма-многочисленныхъ подробностей, то художники этого обширнаго класса всѣ принадлежали къ жреческой кастѣ, или по-крайней-мѣрѣ отъ нея зависѣли. Вѣроятно, они были раздѣлены на ремесленные цехи, и между ними были опять разные подраздѣленія. Такъ въ мастерскихъ однихъ гробовщиковъ, вѣроятно, было болѣе пяти различныхъ родовъ ремесленниковъ: столяры, живописцы, рѣшники на деревѣ и ваяти. Къ этой же кастѣ должно еще причислить художниковъ, работавшихъ для погребальныхъ церемоній и гробницъ, каковы были, на примѣръ, кожевники, художники, дѣлавшіе фарфоровыя, каменные и деревянные статуэтки боговъ, горшечники, дѣлавшіе алебастровыя и глиняныя сосуды, литейщики изъ бронзы и золотыхъ дѣлъ мастера; наконецъ писцы и бальзамировщики (которые были истинные химики) и всѣ подчиненныя лица, на примѣръ, операторы, составляли, вѣроятно, огромный классъ, къ которому должно присоединить еще ленточниковъ и приготовителей тѣхъ снадобій, которыя необходимы были для бальзамированія.

Диодоръ говоритъ, что бальзамировщики очень уважались въ Египтѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ смерть возвышала и облагороживала тамъ всѣ вещи и лица и это, можетъ-быть, одна изъ самыхъ интересныхъ сторонъ египетскаго народа.

Такъ жилъ въ таинственномъ Египтѣ, удаленномъ отъ всего прочаго міра, цѣлый огромный классъ людей, запертый въ своемъ кварталѣ, въ свою очередь удаленный отъ всего міра, отъ всѣхъ прочихъ людей. Ежедневно видѣлся онъ лицомъ къ лицу съ смертью. Единственнымъ его разговоромъ была — смерть. Всѣ эти безчисленные ремесленные цѣхи жили и исключительно занимались смертью. Одинъ этотъ фактъ достаточно свидѣтельствуетъ, какую необыкновенную важность приписывали египтяне полному сохраненію человѣческаго тѣла послѣ смерти.

Въ мастерскихъ своихъ бальзамировщики приступали слѣдующимъ образомъ къ самому дорогому способу бальзамированія :

Трупъ клали на полъ, и къ нему приближался грамматъ (*грамматейс*, то-есть начертатель знака; можетъ-быть, это былъ храмовый писецъ округа); на лѣвомъ боку трупа обводилъ онъ чертою мѣсто, гдѣ долженъ былъ быть разрѣзъ; потомъ подходилъ *парасхистъ* (*парасхистис*) и эоіопійскимъ камнемъ дѣлалъ разрѣзъ законной величины. Въ то же



самое мгновеніе онъ убѣгалъ съ величайшею поспѣшностью, потому-что присутствующіе бросали въ него камнями и преслѣдовали проклятіями, какъ-будто желая навлечь на него мщеніе боговъ за совершеніе этого преступленія: египтяне ненавидѣли того, кто дѣлалъ насиліе тѣлу своего согражданина или наносилъ ему какимъ-либо образомъ рану. Ясно, что эти проклятія были религіозной формулой, сохранившейся съ давнихъ временъ.

Потомъ, собравшись вокругъ вскрытаго трупа, приступали къ занятію собственно такъ-называемые *бальзамировщики* или тарихевты (*ταρχεωται*). Одинъ пропускалъ въ ноздри трупа желѣзо и вынималъ такимъ образомъ изъ черепа часть мозга; другую же, еще оставшуюся тамъ часть извлекали вырскиваніемъ разныхъ сильныхъ средствъ. Справедливость этого факта, сообщеннаго Геродотомъ, доказана изслѣдованіями надъ муміями, сдѣланными извѣстнымъ Blumenbachomъ.

Другой бальзамировщикъ впускалъ руку въ открытую на лѣвомъ боку рану и вынималъ оттуда всѣ внутренности. Онъ передавалъ ихъ другимъ бальзамировщикамъ, которые очищали каждую часть, обмывая ее пальмовымъ виномъ и разными благовонными эссенціями. Набальзамировавъ ихъ по извѣстному рецепту, ихъ обертывали въ холстину и укладывали въ четыре различныя вазы, которыя дѣлались изъ всякаго рода матеріала, начиная отъ жженой глины до восточнаго алебастра и порфира. Вазы имѣли овальную форму, и на крышкѣ ихъ находились изображенія головъ различныхъ боговъ, которымъ посвящены были эти части тѣла. На вазѣ, въ которой находился желудокъ и толстыя кишки, была человѣческая голова; на второй, въ которой были тонкія кишки—голова кинокефала; лѣгкія и сердце лежали въ вазѣ, накрытой головой шакала; наконецъ, печень и мочевой пузырь опускались въ вазу, имѣвшую голову кощичка. На каждой изъ этихъ вазъ обыкновенно была надпись, въ которой покойникъ призывалъ каждаго изъ боговъ, которыхъ эти головы были символическими изображеніями. При всѣхъ погребальныхъ процесіяхъ эти вазы изображаются или стоящими подъ параднымъ ложемъ, на которомъ лежитъ покойникъ или они слѣдуютъ за его тѣломъ въ погребальной процесіи. Такихъ сосудовъ и до насъ дошло много. Образцы ихъ можно видѣть въ Британскомъ Музеѣ. Они обыкновенно называются канопами.

Въ то время, какъ такимъ образомъ одни занимались бальзамированіемъ внутренностей, другіе приступали къ бальзамированію трупа: они натирали трупъ кедровымъ масломъ и вымывали всю внутренность тѣла пальмовымъ виномъ. Потомъ клали трупъ въ натръ на довольно-продолжительное время; однако, долѣе сорока дней его не держали въ



немъ. Натръ — нелетучая щелочная соль соединяется съ жидкостями лимфатическими, маслястыми и съ жиромъ. Египетскіе бальзамировщики употребляли натръ для того, чтобъ извлечь изъ тѣла жидкости лимфатическія и жиръ и отдѣлать ихъ отъ частей тѣла твердыхъ и фиброзныхъ. Покрывая такимъ образомъ тѣло этою солью, они высушивали его совершенно. Такими являются на самомъ дѣлѣ всѣ муміи: это высохшія тѣла человеческія. Нельзя не замѣтить, что сама природа страны въ удивительномъ изобиліи даровала необходимый ингредиентъ для бальзамированія, потому—что этотъ алкалическій матеріалъ въ естественномъ своемъ состояніи встрѣчается въ огромномъ количествѣ въ натровыхъ озерахъ въ Нижнемъ Египтѣ, возлѣ которыхъ нынѣ находятся знаменитые коптскіе монастыри.

По истеченіи сорока дней трупъ вынимали изъ натра, вторично вымывали внутренность пальмовымъ виномъ и, наполнивъ ее миррою, кинамономъ, преимущественно же асфальтомъ и другими веществами (Diodor. XIX. 99), которыя не только предохраняютъ отъ тлѣнія, но и распространяютъ благовонный запахъ, зашивали разрѣзъ.

Тогда изъ рукъ бальзамировщиковъ трупъ переходилъ въ руки *колхитовъ* (*χολχίται*, то—есть одѣвальщиковъ). Кажется, обязанности этого класса были весьма—разнообразны, и колхиты, кромѣ одѣванья трупа, занимались еще изготовленіемъ перваго холстянаго футляра, или саркофага, въ который укладывалась мумія.

Колхиты, смотря по богатству покойника, такъ приступали къ украшенію его бранныхъ останковъ: если онъ былъ мужчиною, то ему призывали шнурками бороду узкой, остроконечной формы, которую носилъ, по мнѣнію египтянъ, Озирисъ въ царствѣ Аменте, потому—что всякій умершій становился Озирисомъ. Женщинамъ иногда оставляли натуральные волосы: найдены муміи съ заплетенными въ косы и завитыми волосами, искусно—убранными рукою парикмахера. Волосы иногда были даже окрашенными въ русый цвѣтъ хининою. Богатымъ людямъ часто вынимаютъ глаза и вставляютъ искусственные изъ эмали или слоновой кости: мертвый долженъ былъ сохранить всѣ признаки жизни. Есть муміи, у которыхъ все лицо и ногти на рукахъ и ногахъ вызолочены, или на глаза и ротъ положены золотыя пластинки, но безъ всякихъ іероглифическихъ надписей. Кольца, браслеты, ожерелья и серьги украшали руки, шею, пальцы и уши покойника. Наконецъ, главный предметъ, который давали ему въ руки, а иногда клали на грудь, или, просто, въ гробъ, былъ папирусный свитокъ, извѣстный подъ именемъ *книги усопшихъ*.

Когда такимъ образомъ тѣло покойника было убрано дорогими без—



дѣлками, которыя онъ носилъ при жизни, колхиты покрывали все тѣло слоемъ гумми, который египтяне употребляли вмѣсто клея и начинали обертывать весь трупъ лентами, сдѣланными изъ тонкой холстины различной доброты. Каждая часть тѣла: пальцы, руки, локоть и т. д. тщательно обертывались нѣскольکو разъ и нижняя обертка у знатныхъ лицъ дѣлалась даже изъ кисей. Подобно всемъ прочимъ частямъ тѣла, лицо и голова такъ тщательно обертывались холстиною, что чертъ лица нельзя было распознать. На это обертываніе употребляли иногда болѣе тысячи аршинъ холста. При этомъ давали тѣлу положеніе, предвѣсанное закономъ или обычаемъ. Обыкновенно, руки муміи скрещены на груди, иногда же онѣ лежатъ вдоль тѣла. У женщинъ онѣ обыкновенно находятся на груди. Наконецъ, на груди обернутаго такимъ образомъ, какъ въ пеленки, трупа рисовали или скарабея, священнаго жука оты или открытый глазъ—символь Озириса и жизни, символъ, что покойникъ снова увидитъ солнце и свѣтъ.

Такъ оканчивалось дѣло бальзамированія. Трупъ, пройдя черезъ множество рукъ, былъ готовъ для вѣчности, былъ нетлѣнень, былъ *муміей*. Должно замѣтить, что это слово не египетское; оно не было извѣстно не египтянамъ, ни древнимъ грекамъ и римлянамъ и вошло во все языки въ очень-позднее время. Думаютъ, что оно происходитъ отъ персидскаго слова *мумъ*, значащаго воскъ—одинъ изъ составовъ, входившихъ въ бальзамированіе; а оттуда перенесено и на самый бальзамированный трупъ. На иероглифическомъ языкѣ мумія называется *Kols.t*, что значило: *набальзамированное и обернутое лентами тѣло*.

Но муміи знатныхъ и богатыхъ людей, послѣ всѣхъ этихъ операцій, не укладывались просто въ саркофагъ въ одной пеленѣ, составленной изъ лентъ. Часте на окутанную лентами мумію надѣвали рубашку, весьма-искусно сдѣланную изъ разноцвѣтнаго бисера. Такія рубахи хранятся въ разныхъ музеяхъ. Но болѣею частью искусство египетское умѣло первой оболочкѣ, въ которую окутывали трупъ, сверхъ лентъ, придать художественную форму, совершенно-напоминавшую божественное состояніе, въ которое переходилъ египтянинъ послѣ смерти. Завернутая въ ленты мумія укладывалась въ особо-изготовленный *футляръ*, или картонажъ (*cartonnage*), какъ называютъ его французы. Этотъ футляръ изготовляли колхиты изъ той же холстины, дѣлая ее совершенно-твердоу посредствомъ смазки изъ клея и гипса. Вся голова была маскою, которой живописецъ придавалъ черты Озириса, а женщинамъ — черты Изиды. Нельзя предполагать, чтобъ онъ расписывалъ лицо, иногда сообразуясь съ чертами покойника. На женскихъ муміяхъ обыкновенно рисовались украшения, которыя женщины носили въ волосахъ. Въ это

расписанное лицо вставляли эмалевые глаза, а на всѣхъ прочихъ частяхъ тѣла искусно писались разныя символическія и іероглифическія изображенія. Собственно этотъ картонажъ есть не что иное, какъ первый гробъ — саркофагъ, въ которомъ лежала мумія, покрытая лентами.

Таковъ былъ способъ бальзамированія тѣлъ знатныхъ и богатыхъ лицъ, впрочемъ, весьма-часто употреблявшійся въ Египтѣ, потому-что тамъ не жалѣли издержекъ на погребеніе. Геродотъ описываетъ два способа бальзамированія, назначенные для людей средняго состоянія и для бѣднаго класса. Процессы эти, судя по его описанію, гораздо-проще и въ нихъ не входила та тщательная отдѣлка каждой части тѣла и то количество драгоценныхъ составовъ, какъ въ муміи перваго класса. Изслѣдованія надъ муміями доказали, что и въ этихъ трехъ главныхъ способахъ бальзамированія были еще разныя градаціи, о которыхъ не упоминаютъ древнія письмена. Но изъ всѣхъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ муміями, выведенъ слѣдующій результатъ: чтобъ предохранить тѣла отъ тлѣнія, ихъ необходимо нужно было погружать въ натръ. Употребленіе прочихъ ароматическихъ снадобій было, вѣроятно, дѣломъ роскоши.

Число мумій, найденныхъ въ египетскихъ гробницахъ, изумительно-велико. Странно, что въ числѣ ихъ муміи дѣтей чрезвычайно-рѣдки. Какая причина этого явленія? Можетъ-быть, нѣжное дѣтское тѣло не могло противостоять сильнымъ препаратамъ бальзамированія и распалось въ куски, а, можетъ-быть, египтяне, какъ позднѣе и римляне, не приписывали никакого значенія бреннымъ останкамъ существъ, едва-вступившихъ въ свѣтъ.

Наконецъ, египтяне бальзамировали не только людей, но и животныхъ, слѣдуя тѣмъ же самымъ процесамъ, которые употреблялись при бальзамированіи людей. Что они могли бальзамировать священныхъ животныхъ—это понятно; но почему они бальзамировали однихъ обыкновенныхъ животныхъ, а другихъ не бальзамировали — вотъ темный вопросъ, который, вѣроятно, никогда не разрѣшится. Муміи бальзамированныхъ животныхъ хоронились сперва въ отдѣльныхъ гробницахъ; такъ возлѣ Бени-Гассана есть маленькій храмъ, окруженный гробницами кошекъ. Въ позднѣйшія же времена начали складывать въ одно мѣсто муміи всѣхъ животныхъ. Такъ, въ Оивахъ есть подземелья, гдѣ схоронены кошки, собаки, змѣи, рыбы и т. д.; въ другихъ погребены птицы, крысы, жабы, окуни и т. д.; всѣ они бальзамированы различнымъ образомъ, вѣроятно, по той же такѣ, какъ и муміи людей.

Если мы, какъ увидимъ позже, можемъ нѣсколько проникнуть въ

тайные поводы бальзамированія усопшихъ людей, то нѣтъ никакой возможности объяснить себѣ, почему египтяне не предавали тлѣннѣю этого безконечнаго міра животныхъ.

Египтяне любили обыкновеніе изображать въ лицахъ все свои ежедневныя занятія. Среди погребальныхъ сценъ, изображенныхъ въ оивскихъ гробницахъ, есть необыкновенно-драгоценныя и единственныя въ мірѣ сцены, которыми украшены бальзамированные трупы. Изображенія самого анатомическаго процесса бальзамированія не найдено въ египетскихъ ипогеяхъ. Здѣсь представлена цѣлая огромная мастерская, состоящая изъ шести комнатъ, которыя сообщаются другъ съ другомъ посредствомъ дверей. Мы въ мастерской колхитовъ. Грамматъ, парасхистъ и тарихевты уже окончили свое дѣло: они передали трунъ колхитамъ. Сперва мы вступаемъ въ то отдѣленіе мастерской, гдѣ готовлялись футляры, имѣвшіе форму человѣческаго тѣла и составлявшіе первый саркофагъ муміи. Разныя лица изготовляютъ различные предметы, необходимые для футляра; такъ, одинъ изготовляетъ глазъ, назначенный для маски и т. д. Маска стоитъ на полу. Въ другой мастерской одинъ колхитъ приготовляетъ въ большомъ чану, вѣроятно, составъ, который давалъ крѣпость холстинѣ; другой—полируетъ поверхность головы маски; наконецъ, третій, расписываетъ краски для того, чтобъ расписывать ее.

Въ другихъ отдѣленіяхъ колхиты, обернувъ маски лентами, оканчиваютъ мелкія повязки. Трупъ лежитъ на двухъ подставкахъ; два колхита уже оканчиваютъ накладываніе мелкихъ перевязокъ; потомъ они накладываютъ большія перевязки на груди, на желудкѣ, на колѣняхъ и у ногъ, чтобъ малыя крѣпче держались. Въ это время приходитъ къ нимъ жрецъ или писецъ (онъ различается отъ колхитовъ своею одеждою) и передаетъ имъ приказанія насчетъ болѣе-тщательной перевязки муміи; въ рукахъ держитъ онъ свитокъ—это книга усопшихъ, которая, иногда, будучи положена на грудь муміи, прикрѣплялась къ ней тѣми же лентами. Наконецъ, когда перевязыванье кончено, приступаютъ къ расписыванью муміи. Въ послѣднемъ отдѣленіи мастерской на полу стоитъ чаша съ готовою краскою; мальчикъ растираетъ краски; живописецъ, опираясь рукою на мальштабъ, расписываетъ лицо муміи, а третій колхитъ укрѣпляетъ деревянною колотушкою гипсовую оболочку муміи.

Достойно замѣчаніе, что въ сценахъ бальзамированія никогда не встрѣчаются женщины. Все подробности этихъ картинъ дышатъ наивнымъ чувствомъ: этимъ картинамъ уже четыре тысячи лѣтъ, а все изображено въ нихъ съ такою естественностью и простотою, что онѣ могутъ служить лучшимъ дополненіемъ къ рассказамъ историковъ.



Когда тѣло усопшаго было такимъ образомъ набальзамировано и находилось въ первомъ саркофагѣ, то родственники приходили за нимъ и относили его въ домъ покойника, гдѣ оно всегда оставлялось на нѣкоторое время. Тутъ встрѣчали его плачь и рыданіе, и ему оказывали почти божескія почести. Мумію ставили стоймя въ небольшой подвижной, сдѣланный изъ дерева, храмикъ, расписанный разными символическими фигурами, и съ дверью, состоящею изъ двухъ половинокъ. Когда, въ извѣстные часы, назначенные для совершения жертвъ, возліаній или молитвъ, дверь храма растворялась, родственницы, служанки и плакальщицы, съ распущенными волосами, падали на колѣни, плакали и молились: въ покойникѣ видѣли они дорогое лицо и бога — Озириса. Жрецъ читалъ молитвы.

Такъ оставался покойникъ въ домѣ своемъ много дней. Иногда мумію вынимали изъ храма, и слуги, поставивъ ее стоймя на санки и подерживая ее, отвозили къ жертвенному алтарю какого-нибудь бога. На жертвенникъ приносили въ жертву мертвому букеты цвѣтовъ, разныя растенія, виноградъ, шпрожки, хлѣбъ, а иногда гусей и антилопъ. Когда эта церемонія была окончена, покойника снова тѣмъ же порядкомъ отвозили домой въ храмикъ, двери храма затворялись и родственники проводили дни въ глубочайшемъ траурѣ.

Наконецъ, наступалъ послѣдній день вѣчной разлуки. Когда все было готово для совершения погребальной процесіи, куплены саркофаги и отдѣлана гробница, въ которую помѣщались саркофаги съ покойникомъ, родственники заключали послѣднія условія съ жрецами, которыхъ обязанностью было хоронить умершихъ. Разумѣется, великолѣвіе погребальной процесіи всегда зависѣло отъ ранга, который умершій занималъ въ жизни, и издержекъ, которыя его родственники могли употребить, чтобъ воздать ему послѣднюю почесть. Жрецы обыкновенно регулировали весь порядокъ процесіи, мѣсто, которое различныя лица должны были въ ней занимать, число наемныхъ лицъ и, наконецъ, вещи, которыя они несли при погребеніи.

Египетскій народъ оставилъ намъ много изображеній своихъ погребальныхъ церемоній: всѣ они очень-разнообразны и въ высшей степени любопытны. Мы видимъ изъ нихъ, что у египтянъ не существовало опредѣленныхъ правилъ для этихъ церемоній, но всѣ сообразовались съ рангомъ и имуществвомъ покойнаго. Безъ-сомнѣнія, при томъ необыкновенномъ уваженіи къ смерти, которое мы видимъ въ исторіи погребальныхъ обрядовъ египтянъ, можно полагать, что они не жалѣли издержекъ ни для бальзамированія, ни для погребальной церемоніи, ни для



украшенія гробницъ, въ-самомъ-дѣлѣ великолѣпныхъ и сдѣланныхъ на вѣчныя времена.

Египетскія картины, изображающія различныя погребальныя процессіи, знакомятъ насъ со всеми главнѣйшими моментами этой церемоніи. Такъ картина, представляющая погребеніе оивскаго жреца Аменомофа, проводитъ передъ нами тотъ моментъ, когда покойникъ навѣки покидалъ свой домъ и свою семью. Два человека, одѣтые въ бѣлое платье, стоятъ возлѣ муміи покойника: одинъ изъ нихъ поддерживаетъ ее рукою, другой совершаетъ возліяніе изъ вазы надъ головою умершаго. Возлѣ муміи нагая дѣвушка съ распущенными волосами, въ глубокой горести, обнимаетъ ноги покойника. Надпись, находящаяся надъ этою группою, поясняетъ сцену: «сынъ покойника отдаетъ послѣдній долгъ своему отцу, божественному жрецу Аммона-Ро, правителя боговъ, Аменомофу, человеку правдолюбивому».

Въ то время, какъ раздавались жалобныя пѣсни въ честь усопшаго и ближайшіе родственники производили возліянія, за покойникомъ прѣзжала погребальная колесница, чтобъ изъ дома везти его въ некрополисъ. Эта колесница имѣла форму лодки, на которой находился балдахинъ, украшенный цвѣтами. Сама же лодка становилась обыкновенно на салазки и весьма рѣдко на дроги съ колесами. Лодка, по предписанію законовъ, всегда и искони употреблялась для переноса мумій изъ дома въ некрополисъ. Въ гробницахъ были даже найдены мнѣваторныя модели подобныхъ лодокъ. Эта лодка имѣла символическое значеніе. Въ головѣ ея стоялъ ящикъ, на которомъ находилось изображеніе шакала, символа Ануписа, бога-хранителя мертвыхъ. Оно было сдѣлано изъ дерева и всегда окрашено чернымъ цвѣтомъ, потому-что Ануписъ считался подземнымъ богомъ. Въ этотъ ящикъ ставилась ваза съ внутренностями. Четыре быка, которыхъ головы украшены солнечнымъ дискомъ и перьями, тащатъ погребальную колесницу. Эти символы доказываютъ, что быки были посвящены богинѣ Гаторъ, покровительницѣ погребальныхъ мѣстъ. Три человека, сопровождающіе погребальную колесницу, принадлежатъ къ ордену колхитовъ и одинъ изъ нихъ, съ обритою головою, былъ, вѣроятно, главнымъ.

Торжественное же погребальное шествіе изображаетъ другая фреска, представляющая похороны одного царскаго иисца, или секретаря, члена жреческой касты, жившаго при четырехъ разныхъ царяхъ XVIII династіи (за 1500 лѣтъ до Р. Х.) находящаяся на стѣнахъ его гробницъ въ Оивахъ. Эта похоронная процессія отличается необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Огромное число слугъ вмѣстѣ съ жрецами несутъ въ церемоніальномъ маршѣ множество разнообразнѣйшихъ предметовъ, увели-

чивающихъ блескъ торжества. Трудно опредѣлить назначеніе всѣхъ этихъ предметовъ; но передъ зрителемъ проходятъ слуги, несущіе жертвенные столики съ фруктами и цвѣтами, жертвенныхъ птицъ (вѣроятно, голубей), вазы, амфоры и т. д. Другіе слуги несутъ четыре вазы съ внутренностями покойника, его письменныя таблички, кинжалы, сандалинъ, вѣтеръ, лукъ и колчанъ, складной стулъ, разные мѣбели. За ними возничій, идущій пѣшкомъ, править парюю лошадей, которыя везутъ колесницу покойника.

Вторая полоса этой фрески изображаетъ другихъ слугъ, несущихъ самые драгоценные предметы, принадлежавшіе покойнику, которыхъ большая часть, вѣроятно, имѣла символическое значеніе и употреблялась при богослужебныхъ обрядахъ. Сюда относятся золотыя вазы и курильницы, сосуды съ виномъ для возліанія, золотыя изображенія коршуновъ, статуэтки боговъ и т. д. Эти слуги несутъ также разныя богатые цѣпи, изъ которыхъ на одной даже находится вензель царя. Вѣроятно, эти цѣпи служили орденскимъ знакомъ.

Въ третьей полосѣ видны плакальщицы въ длинныхъ одеждахъ, рыдающія; а послѣдняя изъ нихъ, обращаясь къ катафалку, деламируетъ печальную пѣснь. За погребальной колесницей, предшествуемой жрецами, идутъ родственники и друзья покойника съ длинными палками въ рукахъ, бьютъ себя въ грудь и плачутъ.

Если такъ великолѣпны были похороны царскаго секретаря, наставника принцессы, на котораго часто изливалась милость царская, то какъ же великолѣпны должны были быть похороны египетскихъ фараоновъ? Достоинно замѣчанія, что, чѣмъ выше восходишь въ древность, тѣмъ болѣе пышности представляютъ погребальные обряды. Напротивъ, чѣмъ болѣе человѣкъ приучается видѣть смерть, тѣмъ равнодушнѣе становится онъ къ смертнымъ останкамъ ближняго. Египетскіе погребальные обряды, вѣроятно, послужили образцомъ всѣмъ прочимъ народамъ древности. Идея — соединить при погребальной процессіи всѣхъ слугъ, друзей и родственниковъ покойника, чтобъ въ торжественномъ шествіи проводить его останки къ вѣчному жилищу, идея — группировать эти лица въ известномъ порядкѣ, чтобъ придать этой церемоніи возвышенный характеръ, вѣроятно, возникла еще до полнаго развитія цивилизаціи на лицѣ земли. Но все прочее, какъ, напримѣръ, участіе жрецовъ, чтобъ придать болѣе важности процессіи и наблюдать за ея правильнымъ ходомъ; учрежденіе наемныхъ плакальщицъ, которыя играли роль, предназначенную самою природою семейству покойника; обычаи украшать процессію предметами, любимыми покойникомъ при жизни — все это было результатомъ идей древнихъ египтянъ о посмертномъ состояніи человѣка,

трогательныхъ вѣрованій ихъ религіи и ихъ страсти къ зрѣлищамъ, которую они сообщили всѣмъ прочимъ народамъ древняго міра.

Оивы, какъ извѣстно, раздѣлялись Ниломъ на двѣ части: одна изъ нихъ была жилищемъ гражданъ, другая — городомъ иаматниковъ, жилищъ бальзамаровщиковъ и т. д. Позади этого втораго города, вдоль цѣпи горъ, идущей, параллельно съ Ниломъ, были вырыты въ скалахъ гробницы, гдѣ хоронились жители главной столицы Египта. Поэтому необходимо было переѣхать черезъ рѣку, чтобъ схоронить покойника въ некрополисъ оивскомъ; а такъ-какъ на Нилѣ не было моста, то перевозъ мумій совершался обыкновенно на баркахъ или лодкахъ.

Точно такое же мѣстоположеніе имѣла и большая часть городовъ Египта: всѣ они были построены на берегу рѣки, служившей имъ главнымъ и единственнымъ средствомъ сообщенія. Ихъ многочисленные ипогеи находились на берегу, имѣвшемъ всего болѣе скалъ, и поэтому погребальныя процесіи должны были переѣзжать Нилъ, чтобъ перевести покойниковъ на другой берегъ.

Но, кромѣ-того, много египтянъ умирало въ чужихъ городахъ; другіе питали особенное предпочтеніе къ гробницамъ Озириса. Послѣ смерти ихъ хоронили, по ихъ желанію, или въ ипогеяхъ роднаго города, или возлѣ одной изъ гробницъ Озириса. Но въ Египтѣ самымъ легкимъ и прямымъ путемъ сообщенія, между двумя отдаленными городами былъ тотъ же Нилъ, и поэтому каждый день на священной рѣкѣ можно было видѣть очень-оригинальныя похоронныя флотиліи, придававшія новый блескъ погребальному обряду.

Этою необходимостью постоянно переѣзжать Нилъ, или перевозить черезъ него мертвыхъ, очень хорошо объясняется, почему на египетскихъ фрескахъ въ гробницахъ погребальныя процесіи на водѣ изображаются столь же часто, какъ и процесіи на землѣ. Разумѣется, чѣмъ знатнѣе было погребаемое лицо, тѣмъ болѣе пышности соблюдалось въ этой новой церемоніи. Цѣлая флотилія барокъ и лодокъ всѣхъ размѣровъ, различно-изукрашенныхъ, въ числѣ которыхъ лодка съ мумією отличалась особымъ великолѣпіемъ, ожидала покойника на берегу. Всѣ участники церемоніи, со всѣми жертвенными столиками, дарами, вещами умершаго, мѣбелью, букетами, драгоценными сосудами, садились въ лодки и переѣзжали на другой берегъ.

Когда мумія была привезена къ мѣсту своего послѣдняго назначенія, ей воздавались послѣднія почести. На фрескѣ, изображающей погребеніе жреца и царскаго писца Роай, хранителя храма Горуса въ Оивахъ, представленъ этотъ послѣдній актъ. Передъ горою видна пирамидальная гробница съ дверью, возлѣ которой стоитъ надгробная доска, на

которой выгравированъ покойникъ, приносящій жертву Озирису, и какой-нибудь гимнъ въ честь этого божества. Стоящую возлѣ доски мумію держитъ въ рукахъ своихъ богъ Анубисъ, патронъ и хранитель умершихъ. Женщина, стоящая на колыняхъ, супруга покойника, обнимаетъ ноги муміи, а жрецы читаютъ молитвы, сожигаютъ благовонія и производятъ возліанія.

Невольно возникаютъ вопросы: по какому образцу бальзамировали египтяне свои муміи? почему всегда одни и тѣ же боги: Изиды, Нефтисъ и Анубисъ присутствуютъ при погребальныхъ сценахъ? почему внутренности мумій были посвящены четыремъ геніямъ подземнаго міра? почему рѣшительно при всѣхъ своихъ погребальныхъ обрядахъ египтяне соблюдали однѣ и тѣ же формы? Ответъ на всѣ эти вопросы заключается въ религіозныхъ ученіяхъ древнихъ египтянъ. Всѣ эти безчисленные обряды бальзамированія и погребенія были, по мнѣнію египтянъ, подражаніемъ бальзамированію и погребенію тѣла Озириса, который, слѣдуя ихъ религіозному ученію, былъ образцомъ, прототиномъ человѣческой натуры, какъ при жизни своей, такъ и по смерти. Когда Озирисъ былъ убитъ Тифономъ и разрубленъ на куски, Изиды искала члены его по всей странѣ и наконецъ собрала ихъ, набальзамировала, сложила вмѣстѣ, обернула лентами изъ полотна и сдѣлала мумію. Во всѣхъ этихъ трудахъ помогали ей сестра ея, Нефтисъ, старшій сынъ ея и Озириса, Анубисъ и, вѣроятно, также четыре генія подземнаго міра. Эта мистическая исторія бальзамированія и погребенія Озириса изображена на одной стѣнѣ храма Изиды на островѣ Филе. Каждый египтянинъ, по смерти своей, становился, по религіозному ученію народа, Озирисомъ, и вотъ почему каждый погребаемъ былъ совершенно по образцу погребенія этого бога.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами древне-египетскихъ фрескъ, мы видимъ, что погребальная процессія съ большимъ торжествомъ, въ которомъ каждому участвующему назначено было особое мѣсто, проходила многоядная улицы Фивъ, потомъ приближалась къ Нилу, гдѣ ее ожидали уже приготовленные для того лодки. Здѣсь покойника клали въ чрезвычайно-великолѣпную барку съ балдахиномъ и тѣ же печальныя пѣсни провожали его и на этомъ пути. Приставъ къ другому берегу, жрецы снова приводили въ порядокъ всю процессію, покойника ставили на другую погребальную колесницу и процессія въ томъ же торжественномъ порядкѣ проходила Мемноніумъ. При входѣ въ шпегей, процессія останавливалась. Передъ дверью, украшеною цвѣтами, стояла надгробная доска съ надписью; возлѣ нея ставили стоймя мумію; передъ ней же жертвенный алтарь съ фруктами, цвѣта-



ми и пирожками. Толпа провожатыхъ окружала алтарь: спереди находились плакальщицы и жрецы; колѣнопреклоненная вдова съ плачемъ обнимала мумію. Во время молитвъ, читавшихся жрецомъ, другіе жрецы дѣлали возліанія и сожигали куренія. Въ эту минуту горестъ доходила до высшей степени: женщины посыпали голову прахомъ, рыдали, раздирали себѣ грудь и прощались съ покойникомъ. Когда молитвы были окончены, покойника клали въ изготовленные для него саркофаги. Ихъ было обыкновенно два. Не должно думать, чтобъ покойника везли въ могилу въ этихъ саркофагахъ, напротивъ, всѣ египетскія картины доказываютъ, что, какъ дома, такъ и въ погребальной процессіи, мумія лежала въ одномъ футлярѣ, и только въ минуту погребенія ея въ него ея клали въ саркофаги. Второй саркофагъ дѣлался большею-частью изъ дерева, обыкновенно дорогаго, а иногда высекался изъ гранита или базальта, и такъ крѣпко замыкался, что арабы, грабившіе муміи, должны были разбивать въ куски крыши, чтобъ достать мумію. Этотъ второй саркофагъ обыкновенно имѣлъ тоже форму муміи, съ такими широкими ногами, что его можно было ставить стоймя. Разумѣется, и эти саркофаги были весьма-различны, смотря по рангу и богатству покойника. Иные были вовсе безъ надписей, другіе же изукрашены снаружи и внутри мифологическими картинами и іероглифическими надписями. На саркофагѣ лицо покойника опять изображало Озириса, или Изиду, и главная надпись начиналась большею-частью словами: «N. N. перешелъ въ иной міръ длатого, чтобъ снова соединиться съ Озирисомъ». Потомъ слѣдовалъ титулъ покойника и вся исторія его жизни. Эти саркофаги весьма-важны для насъ по изображеннымъ на нихъ мифологическимъ сюжетамъ, констелляціямъ звѣздъ, при которыхъ родился покойникъ (и потому важны для изслѣдованія астрономическихъ свѣдѣній египтянъ), по молитвамъ къ богамъ Аменте (подземнаго міра) и т. д. Разумѣется, всѣ эти надписи и изображенія сочинялись учеными жрецами и въ лучшія эпохи египетскаго искусства они весьма-искусно вырѣзывались на камнѣ, такъ-что нынче служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія жизни и религіозныхъ вѣрованій египтянъ. Въ этотъ саркофагъ клали къ покойнику множество самыхъ различныхъ вещей: именно, маленькія статуэтки боговъ, фаянсовыя, или бронзовыя, преимущественно статуэтку Озириса, разные инструменты, оружіе, вещи, находившіяся въ ежедневномъ употребленіи, и т. д.; словомъ, вещи, которыя любилъ покойникъ, и преимущественно книгу усопшихъ, если она еще не была положена въ первый футляръ.

Наконецъ, если второй саркофагъ былъ деревянный, то его иногда вкладывали (что дѣлалось съ царскими, или очень-знатными, напри-



мѣръ, съ муміями принцевъ, верховныхъ жрецовъ, военачальниковъ) еще въ третій саркофагъ, сдѣланный изъ базальта, или гранита, имѣвшихъ форму небольшого храма съ карнизомъ, и тоже большею-частью покрытый весьма — искусными рельефами и іероглифическими надписями. Памятниками всѣхъ этихъ разнообразныхъ родовъ очень-богаты европейскіе музеи, и въ одномъ берлинскомъ или луврскомъ можно найти очень-замѣчательные образцы.

Когда гробъ находился въ саркофагѣ, двери гробницы отворялись и длиннымъ узкимъ входомъ везли мумію чрезъ подземную галерею, или корридоръ, въ погребальную камеру, большею-частью находившуюся въ горѣ. Этимъ оканчивалась погребальная процессія. Слуги, съ пустыми руками, возвращались домой, плакальщицы отирали слезы и также расходились. Одни ближайшіе родственники, вмѣстѣ съ жрецами, проникали въ погребальную комнату, гдѣ молились въ послѣдній разъ и устанавливали вокругъ саркофага принесенные ими дары. Потомъ удалялись и они молча, и двери погоя затворяли накрѣпко затворами, на которые накладывали печать, до-тѣхъ-поръ, пока смерть не похищала новую жертву въ семействѣ покойника. Тогда фамильный склепъ открывался снова. Но когда фамилія совершенно вымрала, или гробница, назначенная для одного лица, приняла своего жильца, то дверь закладывали кирпичемъ на-глухо и заваливали огромными камнями и глыбами гранита, такъ-что входъ нельзя было даже узнать снаружи. Тогда волшебный дворецъ со всѣми своими сокровищами скрывался навѣки въ недрахъ земли, исчезнувъ изъ памяти живущихъ, и только жрецы знали, какъ проникнуть въ него и гдѣ лежитъ онъ, потому-что у нихъ были точныя планы гробницъ.

Мы видѣли, въ какомъ глубокомъ траурѣ провожало семейство покойника тѣ дни, въ которые бальзамировали и наконецъ хоронили его. Послѣ похоронъ члены семейства собирались еще разъ въ домѣ покойника, потому-что въ честь его давалось погребальное пиршество. Эти пиршества имѣли весьма-скромный и печальный характеръ. Древніе египтяне не ѣли на нихъ: древне-египетскія фрески показываютъ, что на нихъ присутствующіе только пьютъ изъ широкихъ бокаловъ, или нюхаютъ цвѣты лотоса въ то время, пока раздается пѣніе и звукъ музыкальныхъ инструментовъ. Замѣчательно также, что на этихъ пиршествахъ мужчины отдѣлены отъ женщинъ, и это становится понятнымъ, если вспомнимъ, что у египтянъ во время траура любовь была запрещена. Наконецъ, замѣчательны еще два похоронные обычая: именно, часть слугъ пурпифицировала гостей и родственниковъ, вѣроятно, возлія на нихъ дорогія эссенціи и благовонія—обычай, который почти

со всеми погребальными обычаями египтянъ перешель и къ другимъ народамъ древности.

Наконецъ, на фрескахъ, покрывающихъ стѣны ипогеевъ, обыкновенно за похоронную процесію, за погребальнымъ пиршествомъ еще изображаются танцы. Слѣдовательно, погребальные обряды заключались пиршествомъ, за которымъ слѣдовали похоронные танцы. Они, вѣроятно, еще болѣе увеличивали блескъ этого послѣдняго торжества. Обыкновенно вслѣдъ за погребальнымъ широмъ на фрескахъ изображены молодыя дѣвушки, или нагія, или облеченныя въ весьма-прозрачныя ткани, съ заплетенными волосами, падавшими на плечи; дѣвушки эти или танцуютъ, или играютъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Онѣ убраны браслетами, ожерельями и другими украшеніями; на головѣ у нихъ погребальный конусъ и цвѣтокъ лотоса. Въ рукахъ держатъ онѣ разные инструменты съ струнами, арфы, лиры, мандолины и т. д. Группы дѣтей изображены съ ними. По типу лицъ ихъ видно, что онѣ принадлежатъ прекрасному египетскому племени, другія, болѣе-грубымъ племенамъ Сенаара и Эіоіоніи. Эти погребальныя пляски перешли отъ египтянъ ко многимъ народамъ древности.

Послѣ всѣхъ этихъ церемоній жизнь вступала опять въ свои права; ежедневныя занятія шли снова своимъ чередомъ и всемогущее время исцѣляло раны, нанесенныя неумолимою смертію.

Но такъ-какъ всякій человѣкъ послѣ смерти, по вѣрованіямъ египтянъ, становился Озирисомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что долгое время послѣ похоронъ въ каждомъ семействѣ воздавались особыя почести умершимъ его членамъ. Родственники продолжали приносить жертвы Озирису во имя покойника, и жрецы на счетъ семейства совершали разные обряды, при которыхъ присутствовали всѣ родственники. Эти обряды состояли въ молитвахъ, либаціяхъ и сожиганіи разныхъ благовоній и приношеніи жертвъ. Фараонамъ воздвигалъ египетскій народъ храмы, посвященные ихъ богамъ-покровителямъ; тамъ жрецы, къ нимъ приготовленные, совершали свои обряды.

Религіозная администрація, владѣвшая въ Египтѣ монополіею бальзамировать умершихъ и устраивать погребальныя процесіи, присоединила къ этимъ двумъ значительнымъ источникамъ доходовъ еще третій, гораздо-значительнѣйшій, именно: всѣ египетскіе ипогеи были собственностью жреческой касты. Легко себѣ представить, какіе огромные доходы должна была доставлять жрецамъ продажа мѣстъ для погребенія, если вспомнимъ, что египтяне не щадилъ издержекъ ни на бальзамированіе, ни на похоронныя процесіи, ни на устройство и украшеніе гробницъ.

Владѣя цѣлю горъ, въ которыхъ религія предписывала хоронить мерт-

выхъ, жреческая каста съ удивительнымъ умомъ умѣла извлекать все выгоды изъ своихъ земель или, лучше сказать изъ цѣпи пустынныхъ, неплодородныхъ и каменистыхъ горъ. Эти горы простирались на 400 верстъ вдоль теченія Нила. Въ ихъ недрахъ работали тысячи рукъ: сверлили глубокія ямы или колодцы или дѣлали очень—длинные корридоры и обширныя залы, и расписывали и украшали ихъ для будущихъ покойниковъ. Различія величины этихъ гробницъ и большая или меньшая степень ихъ убранства, безъ сомнѣнiя, зависѣли отъ суммы, которая могли родственники покойника издержать. Великолѣпнѣе большей части египетскихъ гробницъ доказываетъ, что жреческое сословіе умѣло воспитать въ народѣ вкусъ къ изящному убранству послѣдняго жилища человека. Когда же семейство не было такъ богато, чтобы купить себѣ семейный склепъ, то жрецы продавали или отдавали ему въ наемъ особыя мѣста въ общихъ некрополисахъ. Когда семейство переставало вносить наемную плату, жрецы продавали мѣсто другому. Разумѣется, при подобной администраціи гробницъ должны были происходить разныя злоупотребленія со стороны жрецовъ, и есть многочисленные примѣры, что въ томъ случаѣ, когда какая—нибудь знатная фамилія, владѣвшая семейною гробницею, вымирала совершенно, жрецы уничтожали написанныя на стѣнахъ гробницы имена прежнихъ ея владѣтелей и продавали ее другой фамиліи. Итакъ родственники покойника, выбирая мѣсто для него одного или для цѣлаго семейства, находили гробницы, уже совершенно—готовыя, съ расписанными стѣнами и надписями, гдѣ стоило только дополнить недостающее имя покойника. Въ Египтѣ найдены были подобныя, совершенно—готовыя гробницы, которыя, однако, никогда никѣмъ не были заняты. Иногда же родственники покупали себѣ только одно мѣсто и сами отдѣлывали гробницу. Во всякомъ случаѣ, они принуждены были прибѣгать къ людямъ, постоянно—занимавшимся ремесломъ рыть гробницы въ горахъ и украшать ихъ, и вотъ почему въ устройствѣ египетскихъ гробницъ господствуетъ болѣею частью однообразіе.

Очень—вѣроятно, что огромныя каменоломни, изъ которыхъ египтяне брали первоначально свой строительный матеріалъ, служили первыми некрополисами. Но когда генерации за генерациями наполнили эти мѣста, то египтяне начали рыть гробницы въ длинныхъ цѣпяхъ горъ аравійскихъ и ливійскихъ, которыя тянутся съ двухъ сторонъ вдоль Нила. Такимъ—образомъ они разрыли горы: Сильзилиса, Бени—Гассана, Тель—Амарны, Сіута, Саккары близъ Мемфиса и Бибан—ель—Молука близъ Оивъ. Наконецъ, во всѣхъ гористыхъ возвышенностяхъ, преимущественно же въ окрестности большихъ городовъ, были вырыты обширныя некрополисы. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что подъ всѣмъ

Египтомъ во всю длину его, тянулся другой Египетъ—царство подземное, мѣръ мертвыхъ, гораздо-болѣе населенный, чѣмъ Египетъ надземный, и столь же пышный; и если послѣдній исчезъ большею частью съ лица земли, то мѣръ египетскихъ катакомбъ сохранилъ для насъ полную повѣсть о своемъ итѣгда исполненномъ жизни предшественникѣ.

Египетскія гробницы можно вообще раздѣлить на слѣдующіе классы:

1) Гробницы, сооруженныя на землѣ изъ разныхъ матеріаловъ: кирпича, натурального камня и т. д. Таковы пирамиды.

2) Гробницы, сооруженныя въ нѣдрахъ земли, преимущественно въ горахъ, такъ-называемыя *ипогеи*. Онѣ раздѣляются на два класса: однѣ состоятъ изъ корридоровъ, въ концѣ которыхъ находятся одна, двѣ, или многія камеры, назначенныя для саркофаговъ.

Это гробницы богатыхъ людей, весьма-разнообразныя по объему или по убранству. Иногда же корридоры оканчиваются обширнымъ подземельемъ, назначеннымъ служить общественнымъ кладбищемъ для бѣдныхъ. Эти послѣднія подземелья неукрашены и въ нихъ иногда можно найти до 3000 мумій, и у каждой лежитъ какое-нибудь орудіе, означающее ремесло покойника.

Второй классъ состоитъ изъ весьма-глубокихъ иногда, перпендикулярно-вырытыхъ ямъ, или колодезъ, на днѣ которыхъ былъ входъ въ погребальную камеру. Саркофагъ спускался въ колодцы и потомъ становился въ погребальную камеру; послѣ того дверь закладывали кирпичомъ и колодезь наполняли до самой поверхности землею и камнями. Этотъ родъ гробницъ большею частью безъ всякихъ украшеній.

Наконецъ встрѣчаются еще изолированныя могилы, вырытыя въ землѣ, или въ пескѣ, надъ которыми невидно никакихъ слѣдовъ построекъ. У мумій, находящихся въ этихъ могилахъ, всегда находятъ оружіе, и часто позвоночный столбъ ихъ сломанъ: можно предполагать, что это казненные преступники, или наказанные солдаты.

Прочность и художественный смыслъ, съ которымъ созданы всѣ надгробныя памятники египтянъ, изумительны. Монументальныя памятники каждаго народа, относительно системы ихъ конструкціи и орнаментовъ, всегда находятся въ строгой соответственности съ состояніемъ цивилизаціи у этого народа. Большія пирамиды Египта, возникшія при четвертой династіи фараоновъ, неукрашенныя ни скульптурою, ни живописью, доказываютъ, что единственнымъ стремленіемъ ихъ строителей было создать себѣ *вѣчное* жилище. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій оставались онѣ неприкосновенными и ни разрушительному времени, ни варварамъ, ни наводненіямъ, ни другимъ бѣдствіямъ природы не удалось поколебать ихъ гигантскую массу. Mimo нихъ прошли иско-



сы, блескъ Мемфиса и Оивъ, персы, греки, римляне и арабы: онѣ оставались неприкосновенны, пока пылливый духъ нашего времени не проникъ въ ихъ внутренность, въ ихъ глубочайшія тайны. Эти гигантскія зданія были, однако, не болѣе, какъ остроумное воспроизведеніе циклоническихъ созданій природы. Но когда, въ—теченіе цѣлыхъ столѣтій, искусства достигли въ Египтѣ высокой степени развитія и блескъ Мемфисскаго Царства началъ тускнеть предъ могущественными Опвами, тогда египетскій народъ измѣнилъ систему построенія гробницъ. Онѣ оставилъ неблагоприятный трудъ—воздвигать каменныя горы и, имѣя въ виду ту же прочность, но, одаренный уже болѣе чувствомъ красоты, началъ въ пѣдрахъ горъ сооружать огромныя и великолѣпныя дворцы. Когда Оивы сдѣлались могущественною столицею Египетской Монархіи, жители ихъ избрали мѣстомъ погребенія длинную и обширную известковую цѣпь горъ, которая тянется на западъ, противъ города живыхъ. Эта мѣстность заключала въ себѣ условія, которыхъ египтянинъ требовалъ отъ послѣдняго жилища человѣка: она лежала на западѣ, была пустынна, неприступна и дика по своему характеру, не заключала въ себѣ сырости, вредной для сохраненія мумій, и наконецъ прочностью и неразрушимостью матеріала могла соперничать съ пирамидами. Жители Оивъ изрыли, въ буквальныйъ смыслѣ, эту горную цѣпь гробницами царей и другихъ знатныхъ лицъ. Здѣсь нерѣдко встрѣтить трехэтажную гробницу, которая принадлежитъ не какому—либо фараону, а просто жрецу. Гробницы же оивскихъ фараоновъ изъ временъ процвѣтанія Египетской Монархіи можно сравнить съ подземными дворцами, имѣющими нѣсколько этажей и безчисленное число комнатъ. Стѣны этихъ подземныхъ дворцовъ покрыты іероглифическими надписями и картинами, до—сихъ—поръ хорошо—сохранившимися. Какъ нынѣ, такъ и во времена греческихъ лагидовъ и римскихъ императоровъ, любопытные путешественники посѣщали эти гробницы, и Страбонъ говоритъ, что въ его время было извѣстно сорокъ такихъ гробницъ. Такъ—какъ послѣ погребенія фараона входъ въ гробницу закрывался навѣки весьма—тщательно и крѣпко, такъ—что его нелегко найти, то нынѣ открыто только двадцать царскихъ гробницъ. Можно надѣяться, что современемъ открыты будутъ входы и въ прочія гробницы, и оивскіе фараоны, которымъ Египетская Монархіа обязана была своимъ блескомъ, и которые покрыли весь Египетъ своими изумительными постройками, тогда впервые встанутъ изъ гробовъ своихъ.

Гробницы оивскихъ фараоновъ сооружены вообще по одному плану. У входа, на которомъ начертано имя царя, тотчасъ начинается болѣе или менѣе покатый корридоръ, котораго стѣны покрыты іероглифиче-

скими надписями, состоящими изъ молитвъ, или большими картинами. Къ этому корридору примыкають обширныя подземныя комнаты, которыхъ потолоки поддерживаются столбами и колоннами. Въ послѣдней, главной залѣ, которая у египтянъ называлась *золотою*, находится гранитный саркофагъ, а въ немъ обыкновенно гробъ, сдѣланный изъ дерева сикоморы, съ муміею фараона. Къ главной залѣ примыкають небольшія комнаты и залы. Стѣны всѣхъ залъ и галерей покрыты картинами и іероглифическими надписями и въ разныхъ мѣстахъ поставлены статуи боговъ и царей.

Подземныя гробницы прочихъ частныхъ лицъ построены по одному плану съ царскими. Разумѣется, онѣ отличаются отъ нихъ размѣрами, числомъ и величиною комнатъ и болѣею простотою въ убранствѣ. И въ нихъ означены на стѣнахъ въ іероглифическихъ надписяхъ и картинахъ имя, званіе, образъ жизни и семейныя отношенія каждаго покойника, лежащаго въ семейной гробницѣ. Онъ обыкновенно изображается, окруженный своимъ семействомъ, которое приноситъ ему жертвы и отдаетъ божественныя почести. На стѣнахъ частныхъ гробницъ изображены также самыя разнообразныя сцены изъ ежедневной жизни. Здѣсь разсказаны всѣ занятія покойника: его житейскія заботы, пиры, имъ даваемые, его жертвоприношенія, его участіе въ сраженіяхъ, его смерть и погребеніе. Такимъ-образомъ, изображенія на стѣнахъ египетскихъ гробницъ — чистыя біографіи. Смотри по положенію, которое занималъ покойникъ при жизни, изъ нихъ можно узнать всѣ важнѣйшіе моменты жизни царя, жреца и воина, точно такъ же, какъ и различныя искусства и ремесла древнихъ египтянъ, потому-что они изобразили на стѣнахъ гробницъ своихъ всѣ различныя занятія живописцевъ, скульпторовъ, музыкантовъ, танцовщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, бальзамировщиковъ, столаровъ, сапожниковъ и т. д. Игры и охота, религіозныя церемоніи и домашнія увеселенія, занятія земледѣіемъ и садоводствомъ — все передано съ необыкновенною живостью и наивностью. Кроме-того, всѣ гробницы наполнены портретами царей, царицъ, принцессъ, статуями, изображающими или одно лицо, или цѣлое семейство, обыкновенно отца, жену и ребенка; эмальированными или глиняными статуэтками, безчисленнымъ множествомъ вещей, принадлежавшихъ покойнику, или принесенныхъ ему въ даръ родственниками, и въ этомъ отношеніи особенно-замѣчательны богатствомъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ гробницы воиновъ, жрецовъ и женщинъ. Наконецъ должно припомнить, что, среди всѣхъ этихъ знаковъ жизни, въ жилищѣ смерти лежала мумія, со всѣми внѣшними признаками жизни и встрѣчала входящаго въ могилу. Тутъ, казалось, все дышало жизнью, даже самая смерть.

Такъ не щадили египтянинъ ни трудовъ, ни силъ, ни издержекъ, чтобъ приготовить своему собрату послѣ смерти *вѣчное* жилище, потому—что египтяне, по словамъ одного древняго писателя, имѣли твердое религіозное убѣжденіе, что гробницы усопшихъ — *вѣчныя* жилища, въ которыхъ они будутъ жить безконечное время. Вотъ отчего нынче въ стовратыхъ Оивахъ нѣтъ слѣдовъ жилищъ живыхъ людей, а есть тысячи гробницъ. Египтяне строили вѣчныя жилища не для жизни, а для смерти, или, лучше сказать, для жизни послѣ смерти.

И, несмотря на все эти неимоверныя, почти сверхчеловѣческія усилія египтянъ противодействовать тѣлѣ и конечному разрушенію жизни, усилія ихъ остались безплодны. Имъ даже не удалось въ заложенныхъ на—глухо гробницахъ предохранить своихъ мертвыхъ отъ профанации.

Любопытна эта исторія разрушенія древне—египетскихъ гробницъ. Оно началось уже во времена глубокаго политическаго и нравственнаго упадка Египетской Монархіи. Камбизъ первый, съ любопытствомъ дикаго варвара, приказалъ открыть мемфисскія гробницы и разсматривалъ покойниковъ. Изъ Мемфиса отправился онъ въ городъ Саясъ и тамъ приказалъ вынуть тѣло Амазиса изъ гробницы, съчъ его розгами, вырвать волосы, колоть острымъ желѣзомъ и наносить ему всякое безчестіе. Но такъ—какъ мумія, отлично—набальзамированная, противостояла всемъ этимъ насиліямъ и не распалась въ куски, то усталый Камбизъ приказалъ ее сжечь. Огонь и мечъ персовъ разрушили Мемфисъ, Саясъ и Гелиополисъ, и горы золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, и драгоценныя мѣбели, некогда украшавшія египетскіе храмы, перевезены были въ Сузы и Персеполисъ, гдѣ сами побѣдители не могли надѣяться этимъ сокровищамъ. Когда Страбонъ путешествовалъ по Египту, дворцы и храмы этихъ городовъ уже лежали въ развалинахъ. Но персы не были единственными профанаторами египетскихъ гробницъ; имъ подражали и македонскіе греки, которые выбрасывали муміи изъ приготовленныхъ для нихъ гробницъ и хоронили въ нихъ своихъ мертвыхъ. Съ—этихъ—поръ разрушеніе гробницъ увеличивалось болѣе—и—болѣе и въ нихъ принимали участіе все завоеватели этой несчастной страны: римляне, конты, арабы и турки. Во все времена алчные хищники толпами проникали въ таинственныя шоген, скрытыя въ горахъ, гдѣ, по народнымъ разсказамъ, заключены были несметныя сокровища. Открывъ гробницу, они не давали себѣ труда грабить муміи, но разводили огонь и сжигали ихъ, и въ горячей золѣ искали слитковъ золота, сплавленныхъ огнемъ изъ драгоценныхъ вещей, покрывавшихъ муміи. Такъ были разрушены и ограблены все гробницы Египта. Съ—давнихъ—поръ

эти открытыя для всѣхъ пещеры были посѣждаемы любопытными туристами всѣхъ странъ и вѣковъ, вытѣзавшими свои неизвѣстныя имена на всѣхъ барельефахъ и фрескахъ. Эта страсть безсмертитъ свои ничтожныя имена характеризуетъ туристовъ всѣхъ вѣковъ. «Въ знаменитыхъ гробницахъ Бибан-ель-Молука» говоритъ одинъ ученый путешественникъ, «можно найти имена египтянъ всѣхъ эпохъ, посѣщавшихъ эти гробницы. Древнѣйшія имена написаны египетскими священными, позднѣйшія — народными письменами. Тамъ много именъ древнихъ грековъ, старыхъ римлянъ времени республики, грековъ и римлянъ времени первыхъ императоровъ, множество неизвѣстныхъ лицъ Византийской Имперіи, много именъ коптскихъ съ разными молитвами, наконецъ много именъ европейскихъ путешественниковъ, которые посѣтили эти гробницы во времена французской экспедиціи, или которыхъ привлекли въ эту страну торговля, случай, страсть къ путешествіямъ или любовь къ наукѣ». Между первою и послѣднею изъ этихъ надписей, лежитъ цѣлая всемірная исторія.

Но этими разрушеніями еще не окончилась исторія бѣдствій египетскихъ гробницъ: она продолжается до настоящей минуты. Въ наше время наука, изслѣдовавшая и открывшая даже много до-тѣхъ-поръ неизвѣстныхъ гробницъ, породила страшный родъ грабителей, который, видя важность, которую ученые европейцы приписываютъ этимъ памятникамъ, сдѣлался гнуснѣе, жесточе и корыстолюбивѣе самихъ персовъ. Глубоко-падшее народонаселеніе, которое живетъ въ Оивахъ, нынѣ переселилось въ оивскія гробницы. Нынѣ всѣ оивскія гробницы заселены. Въ нихъ рождаются и умираютъ жалкіе феллахи и живутъ въ нихъ съ своими стадами. Чтобъ увеличить свое жилище, уничтожаютъ они цѣлыя стѣны съ фресками, ломаютъ скульптуры, чтобъ продать фрагменты путешественникамъ и такимъ образомъ губятъ лучшія произведенія древне-египетскаго искусства.

Судьбу этихъ надгробныхъ памятниковъ во всѣ времена раздѣляли и схороненные въ нихъ жители этихъ подземныхъ дворцовъ. Еще въ средніе вѣка привозили въ Европу куски мумій, которые употреблялись, какъ лекарство, по причинѣ пряностей, которыя служили для бальзамированія. Еще нынѣ на вывѣскахъ старинныхъ аптекъ Италіи, между прочими медикаментами, исчисляются и *мумии*. Таковы судьбы всего проходящаго на землѣ! Прахъ сдѣлался опять прахомъ и самыя тщательно-сбереженныя муміи нынѣ исчезли съ лица земли. Тѣла фараоновъ, построившихъ пирамиды, нѣкогда найденныя въ цѣлости, исчезли безъ вѣсти; саркофагъ одного изъ древнѣйшихъ этихъ царей лежитъ на двѣ моря, гдѣ потонулъ съ англійскимъ кораблемъ, который везъ



его въ Лондонъ, саркофагъ, лежавшій 5000 лѣтъ въ третьей изъ большихъ пирамидъ и оставленный въ итоге персами, греками, римлянами и арабами! Только небольшое число мумій хранится еще неприкосновенно въ европейскихъ музеяхъ и вѣчный сонъ ихъ сторожить не уваженіе къ смерти, а наука. Для нея египетскія гробницы, открывъ сокрытыя въ нихъ сокровища, сдѣлались самымъ-важнымъ источникомъ познанія древне-египетской жизни, источникомъ, который рассказываетъ о ней полнѣе и достовѣрнѣе всѣхъ древнихъ писателей. Такъ, по крайней-мѣрѣ осуществилась *одна мечта, одна надежда* египетскаго народа, и боязливая заботливость, съ которою онъ старался предохранять тѣла усопшихъ отъ тлѣнія, увѣчалась *однимъ счастливымъ результатомъ*. Древній Египетъ живетъ между нами: по прошествіи тысячелѣтій, онъ возникъ изъ гробовъ къ новой жизни, къ жизни въ наукѣ въ то время, какъ множество современныхъ ему народовъ, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, исчезло безъ вѣсти съ лица земли.

Наконецъ — что особенно-важно въ исторіи искусства — удивительная система построенія египетскихъ гробницъ долгое время служила образцомъ всѣмъ народамъ древности, по мѣрѣ того, какъ они вступали въ среду цивилизованныхъ народовъ. Всѣ они учились у египтянъ первымъ началамъ искусства. Аравія, Финикія, Іудея, Малая Азія, Персія, Индія, Вавилонія, Греція и Этрурія подражаютъ, иногда подражаютъ рабски, древнему искусству египетскаго народа, потому-что въ то время, когда весь міръ былъ погруженъ въ мракъ, въ одномъ Египтѣ горѣлъ свѣточъ цивилизаціи. Это подражаніе продолжалось долѣе-порѣ, пока греческій гений не создалъ новаго самобытнаго искусства, которое потомъ положило печать свою на весь древній міръ. Но до этого мгновенія искусство всѣхъ древнихъ народовъ училось въ школѣ египтянъ, которые первые показали міру, какъ воздвигать гробницы, украшать ихъ скульптурами и фресками и внутри убирать тѣми предметами, которые и въ могилѣ напоминали жизнь на землѣ.

Но при видѣ этой невозвратной-упорной борьбы египтянъ съ смертью, тлѣніемъ и разрушеніемъ, при видѣ ихъ, вѣроятно, безконечно-долгихъ опытовъ найти лучшую методу для бальзамированія мертвыхъ тѣлъ, при видѣ стремленія ихъ устроить самыя прочныя гробницы и украсить ихъ самымъ тщательнымъ образомъ, невольно возникаетъ вопросъ; почему египтяне такъ страстно желали сохранить мертвыхъ? Безъ-сомнѣнія, не одно пустое желаніе — сохранить какъ-бы неприкосновенными отъ смерти своихъ близкихъ — могло породить у нихъ столь важную науку, каково бальзамированіе. Историки, которымъ этотъ обычай казался весьма-страннымъ,

потому—что онъ не принадлежалъ къ обычаямъ ихъ времени, хотѣли его объяснить любовью къ порядку, ужасомъ, который внушали египтянамъ, любившимъ до крайности во всемъ постоянство, всякое измѣненіе а тѣмъ болѣе смерть, нарушавшая весь обычный порядокъ жизни, наконецъ постоянною заботливостью ихъ о будущемъ. Но подобныя толкованія показываютъ слишкомъ—узкое воззрѣніе на исторію человѣчества. Конечная причина подобаго, глубоко-вкорененнаго обычая, который былъ плодомъ долгихъ научныхъ размышленій и который привелъ къ столь-важнымъ изобрѣтеніямъ въ области наукъ и искусствъ, должна лежать гораздо-глубже. Мы не можемъ еще, по нынѣшнему состоянію науки, проникнуть во все глубины этой таинственной причины; но наукѣ удалось приподнять нѣсколько завѣсу ея.

Если глубокій смыслъ египетскихъ религіозныхъ ученій оставался недоступенъ египетскому народу, то тѣмъ не менѣ жреческая каста умѣла наложить на всю жизнь этого народа свою религіозную печать. Египтяне полагали, что единственною цѣлью жизни на землѣ должно быть служеніе богамъ. Жреческая каста учила народъ взирать на блага земныя, какъ на даръ боговъ; и если человѣкъ постигло счастье или несчастье, то это было слѣдствіемъ образа его жизни, его честныхъ или нечестивыхъ поступковъ, мыслей и стремленій. Наконецъ, жрецы учили, что есть еще другая жизнь, и участь души послѣ смерти зависитъ отъ земной жизни человѣка. «Египтяне (говоритъ Геродотъ, II. 123) были первые люди, говорившіе, что душа бессмертна» и справедливость его словъ подтверждается не только многими картинками, найденными въ египетскихъ гробницахъ, но и преимущественно *книгою усоншихъ*, которая опускалась въ могилу каждаго покойника. Несмотря на всю темноту ея, для насъ еще далеко-недоступнаго содержанія, мы однако видимъ изъ нея, что египтяне имѣли весьма-развитое ученіе и представленіе о состояніи и судьбахъ души послѣ земной жизни. Одно египетское ученіе о переселеніи душъ можетъ объяснить конечную причину глубокихъ заботъ египтянъ о сохраненіи тѣлъ умершихъ. Но это древнее ученіе, какъ показываетъ книга усоншихъ, имѣло въ Египтѣ совершенно-другой характеръ, нежели тотъ, который оно получило позже. Души, по ученію египтянъ, не проходили лѣтвицы земныхъ существъ, не переселялись въ тѣла животныхъ, но проходили постепенно различныя сферы міра, изъ которыхъ каждая послѣдующая была чище и возвышеннѣе сферы предыдущей, пока не вступала въ жилище душъ чистыхъ. И во время всѣхъ этихъ переселеній, или миграцій, судьба души постоянно зависѣла отъ судьбы тѣла. Изученіе «книги усоншихъ» объяснить намъ эти религіозныя ученія египтянъ.

Изъ вѣсхъ предметовъ, которые клали въ Египтѣ при погребеніи въ гробъ покойнику, ни одинъ не имѣетъ для науки той огромной важности, какъ «книга усопшихъ» (*Das Todtenbuch, Le rituel funéraire*). Это—собраніе молитвенныхъ формулъ и рѣчей, украшенное многочисленными виньетками, нарисованными перомъ. Она служила усопшему для того, чтобъ доставить ему благопріятный пріемъ у безчисленныхъ вратъ жилищъ и странъ небесныхъ. Состояла же она изъ нѣсколькихъ отдѣловъ; только нѣкоторые изъ нихъ содержали въ себѣ тѣ общія правила, посредствомъ которыхъ душа покойниковъ можетъ проникнуть въ Аменте (подземное царство). Прочіе отдѣлы заключали въ себѣ рѣчи, которыя покойникъ обращалъ къ различнымъ божествамъ, живущимъ въ царствѣ мертвыхъ, и отвѣты этихъ божествъ. Эти отдѣлы были: наставленія, какимъ образомъ душа покойника должна пройти различныя необходимыя трансформации, пока дойдетъ до конечной, ожидающей ее участи. «Книга усопшихъ» открывала покойнику магическія имена странъ и мѣстностей подземнаго царства, которыхъ знаніе необходимо для того, чтобъ избѣгнуть мученія проклятыхъ душъ. Наконецъ, она рассказывала всю судьбу души во время ея странствованій въ подземномъ мірѣ, тѣ испытанія, которымъ она должна подвергнуться въ Аменте, и наконецъ ея пребываніе въ царствѣ душъ блаженныхъ.

Самый порядокъ и внѣшнее устройство этой книги чрезвычайно—замѣчательно. Съ начала нынѣшняго столѣтія въ европейскихъ музеяхъ находится большое число свитковъ папируса, вынутыхъ изъ египетскихъ гробницъ и болѣе или менѣе схожихъ между собою: у нихъ одинъ и тѣ же виньетки и онѣ раздѣляются на нѣсколько главъ, которыя отдѣлены другъ отъ друга линиями и начинаются красными буквами. Многіе изъ этихъ свитковъ, которые или очень—коротки или очень—длины, издавы были въ разное время. Тысячи экземпляровъ этой книги писались за-благовременно писцами жреческой касты, и если содержаніе ихъ всегда сходно между собою, то различная величина зависитъ отъ суммы, которую хотѣли истратить родственники покойника для приобрѣтенія экземпляра. Писцы оставляли пустое мѣсто вездѣ, гдѣ нужно для имени покойника и его матери, и весьма—рѣдко для имени отца. Когда экземпляръ покупался, они пополняли пробѣлъ. Самымъ полнымъ экземпляромъ считается папирусный свитокъ, хранящійся въ египетскомъ музеѣ въ Туринѣ. Онъ имѣетъ 37 футовъ и 3 дюйма длины и изданъ на-литографированный профессоромъ Берлинскаго Университета Лепсіусомъ. Онъ раздѣляется на три большіе отдѣла и имѣетъ 163 главъ. Но, къ-сожалѣнію, этотъ папирусъ принадлежитъ временамъ Птолемеевъ, или, можетъ—быть, даже временамъ римскаго владычества. Кромѣ-того, книга

эта еще до-сихъ-поръ далеко не переведена, и намъ извѣстны изъ нея только отрывки и объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ, сдѣланныя Лепсіусомъ и другими учеными. Трудность чтенія іероглифовъ объясняетъ эту медленность, съ которою ученые приступаютъ къ ея толкованію. Можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени трудолюбію и остроумію знаменитыхъ египтологовъ удастся прочесть для насъ это произведение египетской релігіозной литературы.

Наконецъ, достойно въ-особенности замѣчанія, что въ этомъ огромномъ кодексѣ, котораго происхожденіе принадлежитъ глубочайшей древности, нѣтъ предисаній или регламентовъ для поклоненія мертвымъ, нѣтъ гимновъ или молитвъ для произнесенія при похоронахъ жрецами. Покойникъ самъ постоянно является въ немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: о немъ и о приключеніяхъ его длиннаго странствія послѣ смерти идетъ постоянно рѣчь. Текстъ рассказываетъ и описываетъ мѣста, куда онъ приходитъ, что онъ въ нихъ слышитъ, что въ нихъ видитъ, что тамъ дѣлается. Молитвы же и рѣчи, которыя встрѣчаются въ «книгѣ усопшихъ», суть рѣчи и молитвы, которыя самъ покойникъ обращаетъ къ различнымъ и безчисленнымъ божествамъ, въ присутствіи которыхъ онъ находится. Наконецъ, не слѣдуетъ думать, чтобъ «книга усопшихъ» была нѣчто цѣлое, или составляла полное описаніе переселенія души, начиная отъ самаго начала до конца, напротивъ, это только собраніе различныхъ главъ, говорящихъ о будущности души. Въ этихъ главахъ есть мѣста, болѣе или менѣе важныя, и вообще нерасположенныя въ строго-систематическомъ порядкѣ. Поэтому въ могилу муміи обыкновенно клали лишь нѣсколько главъ, которыя были вырваны изъ цѣлаго, но никогда не составляли цѣлаго. Нѣкоторые экземпляры иногда даже повторяютъ одну и ту же главу; но подобное повтореніе или считалось пріятнымъ богамъ или было слѣдствіемъ забывчивости писцовъ, которые переносили разные короткіе тексты въ одинъ длинный свитокъ, смѣшивали ихъ и переставляли произвольно.

Шампольионъ, гениальный основатель египтологіи, перевелъ слѣдующую «книгу усопшихъ», найденную имъ въ саркофагѣ Петаменофа, очень-краткую и принадлежащую временамъ упадка Египетской Монархіи. Сперва написано имя покойника, потомъ онъ начинаетъ обращать слѣдующія воззванія къ богамъ:

«Великъ богъ Ра своими діадемами!

«Великъ Атму своимъ созданіями!

«Великъ Озирисъ Петемаментесъ своимъ скипетромъ!

«Будьте благопріятны Петаменофу, вы, стражи дверей западной страны; вы, два стража божественныхъ матерей жилища душъ; вы, храни-



тельницы божественнаго обиталища, гдѣ есть лотусъ, вода и божественная барка!

«Будь ему благопріятенъ, ты, Анубисъ, сынъ Озириса, стражъ стражей вратъ двухъ божественныхъ производителей жилища звѣздъ!

«Будьте ему благопріятны, вы, боги странъ Матоса, помощники Озириса, помощники жилища жатвы, двѣ божественныя истины на поляхъ Оен-Ро (поля блаженныхъ, Елисейскія Поля)!

«Будь ему благопріятна, богиня Гаторъ, ты, которая есть богиня Нейтъ въ странѣ восточной и богиня въ лотосахъ и на всѣхъ водахъ западной страны!

«Будьте ему благопріятны, вы, боги жилища звѣздъ, вашей области!

«Будьте ему благопріятны боги, бодрствующіе возлѣ Озириса! Великъ вашъ отецъ Солнце! Копчикъ міра, который создалъ васъ съ собою въ жилищахъ Сопъ! Великъ Горусъ, сынъ Изиды, сынъ Озириса! Великъ Гар-Уери, блюститель духовъ солнечныхъ, благотворное око Солнца!»

Покойникъ призываетъ далѣе Горуса, Тота и другихъ боговъ, божества жилища звѣздъ, моля ихъ допустить душу Петаменофа въ небо, наполненное душами великихъ боговъ. Онъ проситъ быть благосклонно принятымъ богомъ Атму, быть очищеннымъ въ тѣхъ водахъ, которыя находятся въ области Мазди, быть принятымъ въ подземную область, гдѣ царствуетъ Озирисъ, властитель Запада; тамъ душа его помѣстится въ барку годовъ жизни и т. д.

Папирусные свитки, болѣе-полные, въ этомъ мѣстѣ содержатъ формулу, чрезвычайно-любопытную, въ которой всѣ части тѣла покойника отдаются подъ покровительство разныхъ боговъ или богинь.

«Волосы покойника принадлежали Немону, Нилу небесному; его голова—богу Ора, солнцу; его глаза—богинѣ Гаторъ (египетской Венерѣ)», и такъ далѣе исчисляются всѣ части тѣла—19 или 20, и каждая изъ нихъ посвящена какому-либо богу или богинѣ.

Папирусъ Петаменофа оканчивается слѣдующимъ послѣднимъ воззваніемъ къ богу Тоту:

«Великъ божественный Ибисъ, прообразованный Отою, открывающій врата міра матеріальнаго! О, божественный Ибисъ! сохрани Петаменофу его голову, грудь; сохрани ему его ротъ, его длань; сохрани ему его фаллусъ. Предоставь ему домъ съ пищею и платьемъ, быками, гусями и чистыми водами; сохрани ему его око для міра матеріальнаго; оживи его хлѣбомъ бога Севъ; утоли его жажду водами бога Ган-му; напои его млекою» и т. д.

Эти небольшіе отрывки изъ «Книги усопшихъ» посвящаютъ насъ въ

тайны египетской религіи: они указываютъ, какое огромное мѣсто занимали въ ней смерть и жизнь послѣ смерти. За воззваніемъ къ богамъ и исчисленіемъ различныхъ ихъ атрибутовъ, послѣ прославленія этихъ боговъ, «Книга усопшихъ», постоянно говорящая во имя усопшаго, молить боговъ допустить душу покойника въ жилище чистыхъ душъ—въ Элизіумъ. Это—общее всему древнему человѣчеству желаніе. Но черта, отлагающая египетскую религію отъ всѣхъ религій древнаго міра, состоитъ въ томъ, что египтяне тѣло человѣческое раздѣляли на много частей, и каждая изъ нихъ находилась подъ покровительствомъ какого-нибудь божества. Въ этомъ заключается у нихъ конечная причина бальзамированія и тщательнаго сохраненія мертваго тѣла. Они постоянно имѣли одну заботу: сохранить трупъ въ цѣлости со всѣми частями, чтобъ душа могла найти ихъ въ совершенной сохранности, совершивъ свои переселенія въ различныхъ странахъ.

Египтяне вѣрили, что существованіе души зависитъ отъ существованія тѣла; что съ гніеніемъ трупа прекращается и бытіе души и что нарушенный покой тѣла нарушить и покой души въ ея мѣстопробываніи на поляхъ бога солнца.

Таково было религіозное вѣрованіе египтянъ. Они думали, что тѣло, хотя и лишенное жизни, постоянно вліяетъ на душу, совершающую свои переселенія. Такъ-какъ, по ихъ мнѣнію, душа, съ ея матеріальными желаніями, сохраняла эти желанія и послѣ смерти, и въ переселеніяхъ своихъ должна была наслаждаться чувствами матеріальными, то необходимо было, чтобъ и тѣло, которое на землѣ было единственное мѣстопробываніе чувствъ, сохранилось во всей цѣлости. Вотъ почему египтяне вели упорную войну съ тлѣніемъ и разрушеніемъ и умѣли безошибочно бальзамировать своихъ мертвыхъ и, наконецъ, самымъ тщательнымъ образомъ скрывать ихъ въ нѣдрахъ горъ. Уничтоженный членъ человѣческаго тѣла естественнымъ образомъ долженъ былъ бы лишиться и душу этого члена. Вотъ почему каждый членъ тѣла находился у нихъ подъ спеціальнымъ покровительствомъ какого-нибудь божества. Наконецъ—и это главный результатъ, который можно вывести изъ изученія египетской религіи—египтяне думали, что *будущая жизнь будетъ жизнь совершенно-матеріальная*, какъ жизнь здѣсь, на землѣ, потому-что они молятъ боговъ сперва сохранить имъ ихъ члены, а потомъ сберечь всѣ предметы, которые были имъ необходимы въ жизни на землѣ: домъ съ пищею и платьемъ, быковъ, гусей, чистыя воды, молоко и священный цвѣтокъ лотоса.

Большой туринскій папирусъ еще глубже посвящаетъ насъ въ вѣрованія египтянъ о загробныхъ странствіяхъ души.

Когда покойникъ былъ набальзамированъ и положенъ въ саркофагъ, тогда душа его вступала въ подземное царство. Тамъ достигала она барки душъ Аменте, управляемой кормчимъ, египетскимъ Харономъ. При видѣ души, въ «Книгѣ усопшихъ» мистическій элементъ начинаетъ играть важную роль: на каждомъ шагу покойникъ долженъ выдержать строгое испытаніе въ знаніи магическихъ именъ всего подземнаго царства, чтобъ сдѣлать шагъ далѣе. Когда душа появлялась въ виду барки, малѣйшія части барки начинали говорить и покойникъ обязанъ былъ произнести ихъ мистическія имена, чтобъ пройти эту сферу:

«Барка говорить: скажи мнѣ мое имя.

«Покойникъ отвѣчаетъ: властитель земли въ ящикѣ. (Уподобленіе Озирису, плывущему въ ящикѣ по Нилу).

«Румпель говорить: «Скажи мнѣ мое имя.»

«Тоть, кто разсѣкаетъ волны Гали (Нила).

«Трюмъ говорить: скажи мнѣ мое имя.

«Мракъ.

«Паруса говорятъ: скажи намъ наше имя.

«Небесная твердь.

«Весла говорятъ: скажи намъ наше имя.

«Пальцы Гар-Семса.

«Киль говорить: скажи мнѣ мое имя.

«Рука Изиды, заставляющая проливать слезы изъ ока Горуса. (Око Горуса изображалось всегда на погребальныхъ лодкахъ).

«Болты и гвозди говорятъ: скажи намъ наше имя.

«Амсетъ, Гапи, Туатмуфъ и т. д.

«Въ свою очередь, вѣтеръ говорить: скажи мнѣ мое имя, чтобъ идти тебѣ далѣе.

«Вѣтеръ сѣверный, дующій съ Атота» и т. д.

Когда покойникъ умѣлъ дать отвѣтъ на все вопросы, то онъ покидалъ поля Уру и вступалъ въ подземное царство Аменте.

Слово Аменте объясняется коптскимъ словомъ *ement*, что означаетъ: западъ, западная страна. Тамъ, по мнѣнію египтянъ, находилось подземное царство, и потому на западѣ находились болѣею частью египетскія гробницы. Большія пирамиды лежатъ тоже на западѣ отъ Мемфиса.

Велѣдъ за этими главами слѣдуетъ въ туринскомъ папирусу большая сцена, изображающая судъ надъ душею. Это главная изъ всехъ виньетокъ, украшающихъ книгу усопшихъ: она необыкновенно-важна, имѣетъ высокій драматическій интересъ, открывая сокровѣннѣйшія тайны египетскихъ религіозныхъ воззрѣній. Эта сцена психостазіи играла столь

важную роль въ египетской религіи, что ее можно встрѣтить на большей части монументальныхъ памятниковъ: на фрескахъ ипогеевъ, на саркофагахъ, на стѣнахъ храмовъ. Всѣмъ извѣстно, что Діодоръ Сицилійскій рассказываетъ, будто каждаго египтянина послѣ смерти судили судьи и народъ и, если находили, что жизнь его была нечестива, то лишали погребенія. Не говоря о томъ, что множество подробностей этого разсказа Діодора не въ-состояніи выдержать критики, этотъ обычай, который до-сихъ-поръ еще разсказывается во всѣхъ исторіяхъ и учебникахъ о Египтѣ, не подтверждается никакими другими свидетельствами. Геродотъ, путешествовавшій по Египту почти за 400 лѣтъ до Діодора и отлочно, даже въ мелочахъ, передающій намъ всѣ странности египетскихъ обычаевъ, не говоритъ ни слова объ этомъ *столь важномъ* постановленіи. Далѣе египтяне, разсказавшіе намъ въ скульптурахъ и фрескахъ до мельчайшихъ подробностей всю жизнь свою, *нигдѣ* не изобразили этого суда надъ мертвыми. Можно предполагать, что Діодоръ введенъ былъ въ ошибку и не понялъ переданнаго ему разсказа: покойникъ судился не на землѣ, но въ Аменте, и этотъ судъ происходилъ слѣдующимъ образомъ (\*):

Главная виньетка «Книги усопшихъ» изображаетъ залу судилища въ Аменте. Она называется жилище Озириса «дворцомъ верховнаго судьи въ западныхъ странахъ», а залу судилища—«двойною залою истины, гдѣ каждый судится по грѣхамъ своимъ и видитъ образъ боговъ». Двѣ прекрасныя, массивныя колонны—подражаніе пучку цвѣтовъ лотоса, связанныхъ наверху, поддерживаютъ фронтонъ. Въ глубинѣ этой залы стоитъ храмъ, богато-украшенный символами жизни и чистоты, и въ немъ на пьедесталѣ тронъ, украшенный чешуйчатыми и другими орнаментами. На этомъ тронѣ сидитъ высшій судья—Озирисъ, царь Аменте, властитель надъ мертвыми, со всѣми знаками своего царскаго и судейскаго сана. Голова его украшена тиарою; у него коническая борода, привязанная къ ушамъ; шея украшена ожерельемъ, или золотою цѣпью, на которой виситъ изображеніе истины, а рука—браслетомъ. Въ рукахъ держитъ онъ бичъ и посохъ. Такъ председательствуетъ онъ на подземномъ судѣ.

Передъ трономъ стоитъ жертвенный столъ, покрытый дарами, принесенными Озирису покойникомъ: тутъ цвѣты и хлѣбы, фрукты и птицы;

(\*) Описываю его по виньеткѣ, украшающей одинъ изъ экземпляровъ «Книги усопшихъ», приводя въ цѣлыхъ мѣстахъ переведенные Шампольономъ отрывки изъ нея.



на столѣ находится также курильница съ благовоніями, а подъ нимъ двѣ длинношейныя вазы, для либацій.

Передъ жертвеннымъ столомъ, на поколѣ, сидитъ Амамъ—жестокое чудовище съ пастью шпопотама, обращающее свои взоры на Озириса. «Книга усопшихъ» называетъ его «пожиратель здскій, стражъ нечестивыхъ въ Аменте, властитель справедливости, мстительный звѣрь истины»: Это прототипъ греческаго Цербера. Онъ обвинитель покойника, котораго богъ Тотъ оправдываетъ, если онъ велъ непорочную жизнь.

При входѣ въ залу судилища покойникъ долженъ былъ опять пройти рядъ мистическихъ испытаній. Всѣ части залы оживаютъ и ихъ таинственные голоса выспрашиваютъ у него свои магическія имена. «Книга усопшихъ» сообщаетъ ихъ покойнику, чтобъ онъ, въ этихъ исполненныхъ трудности странствованіяхъ по подземному царству, нашелъ истинный путь и не заблудился.

«Порогъ двери говоритъ первый: ты не пройдешь черезъ меня, не сказавъ мнѣ моего имени.

«Покойникъ отвѣчаетъ: ты вѣсь на мѣстѣ истины.

«Правый косякъ двери говоритъ, въ свою очередь: ты не пройдешь, не сказавъ мнѣ своего имени.

«Тотъ, кто друженъ съ истиною.

«Лѣвый косякъ говоритъ: ты не пройдешь, не сказавъ мнѣ моего имени.

«Тотъ, кто друженъ съ судомъ и т. д.

Отвѣчая на эти вопросы, покойникъ хочетъ переступить черезъ порогъ, но тутъ начинаетъ говорить полъ, и онъ обязанъ ему отвѣчать; потомъ желѣзный засовъ и т. д. Всѣ малѣйшія части двери обращаются къ нему съ запросами. Удовлетворивъ имъ всѣмъ, покойникъ снова хочетъ пройти, но тутъ останавливаетъ его стражъ дверей и онъ снова долженъ дать ему въ отвѣтъ условный лозунгъ.

Въ залѣ судилища покойника, выдержавшаго всѣ эти испытанія, встрѣчала богиня Ма, богиня справедливости и истины, нагая; ее отличало страусовое перо, находившееся на головѣ ея—символь истины. Она вводила покойника въ залу судилища. Воздѣвъ руки кверху и обращаясь къ Озирису, онъ говорилъ: «Помоги мнѣ, властитель истины; я достигъ до тебя; я знаю имена сорока-двухъ боговъ, которые съ тобою въ залѣ истины бодрствуютъ надъ нечестивыми».

Верхъ залы занятъ этими сорока-двумя судьями, помощниками Озириса. Они сидятъ въ двухъ рядахъ; каждый изъ нихъ вооруженъ мечомъ и на головѣ каждаго страусовое перо—символь истины. Головы этихъ судей очень-разнообразны: иные изъ нихъ имѣютъ голову человѣческую,

другіе голову символическаго животнаго, наиримѣрь, кощичка, шакала, инопотама, льва и т. д. и всѣ эти головы имѣютъ разныя украшенія, которыя характеризуютъ ихъ. Каждый изъ этихъ судей наказывалъ одинъ какой-либо опредѣленный порокъ. Покойникъ, съ распростертыми руками, называя каждаго судью по имени и по его небесному жилищу, приносилъ передъ каждымъ свое оправданіе.

Покойникъ говорилъ:

«Я не совершалъ скверныхъ и злыхъ дѣлъ.

«Я не воровалъ.

«Я никого не убилъ преднамѣренно.

«Я не былъ лицомъромъ.

«Я не молился на-показъ.

«Я не богохульствовалъ.

«Я не напивался пьянъ.

«Я не былъ лѣнивъ.

«Я не похищалъ вещей, принесенныхъ въ даръ богамъ.

«Я не былъ развратенъ.

«Я никогда не осквернялъ себя.

«Я никогда не качалъ головой, слыша слова истины.

«Я никогда безъ пользы не удлинялъ рѣчи своей.

«Я никогда не раскаявался въ дурномъ поступкѣ.

«Я никогда не производилъ лжи.

«Я не лишалъ ближнихъ нищи.

«Я не измѣнялъ постановленій моей страны.

«Я не воровалъ одежду мертвыхъ.

«Я не отнималъ молока отъ усть дѣтей.

«Я не ловилъ священныхъ птицъ.

«Я не загораживалъ Нила во время наводненій, чтобъ отвести часть воды въ мою пользу.

«Я не тушилъ священныя лампы, когда имъ должно было горѣть.

«Я не охотился за священными стадами».

Въ гробницѣ Рамзеса V, подъ этимъ каталогомъ, всѣ прегрѣшенія изображены въ лицахъ. Такъ козелъ олицетворяетъ похоть и развратъ, крокодилъ—жадность, черепаха—лѣность и т. д.

Покойникъ оканчивалъ словами: «я чистъ». Потомъ онъ обращался къ сорока-двумъ судьямъ и каждому говорилъ: «я не совершилъ преступленія».

Оправдавшись такимъ образомъ передъ сорока-двумя судьями, покойникъ, руководимый богинею Ма, съ воздѣтыми къ небу руками (знакъ молитвы во всей древности), приближался къ престолу Озириса, спокойно и безстрастно совершающаго судъ надъ приближающимися къ нему душами. Но тутъ встрѣчалъ онъ колоссальныя вѣсы, «вѣсы оправданія» по «Книгѣ усопшихъ», на которыхъ сидитъ Кинокефалъ Гащ, символъ мѣры; между ногъ его находится перо (символъ справедливо-

сти), а къ нему привѣшена гири, регулизирующая мѣры (стрѣлки на нашихъ вѣсахъ). На толстыхъ веревкахъ висятъ съ двухъ концовъ вѣсовъ чаши: на одну ставятъ вазу съ сердцемъ покойника, на другую вѣсъ или гири, въ видѣ статуэтки Ма, богини справедливости. Тщетно покойникъ обѣими руками силится перетянуть въ свою пользу послѣднюю чашу: вѣс его хитрости бесполезны, потому-что у вѣсовъ стоитъ богъ Горусъ съ головою кошачья и богъ Анубисъ съ головою шакала. Оба руками повѣряютъ — одинъ висящую гири, другой веревку той чаши, въ которой стоитъ сердце покойника.

Обязанность этихъ двухъ братьевъ-боговъ состоитъ въ томъ, чтобъ взвѣшивать дѣянія покойника въ присутствіи судей. Результатъ сообщаютъ они Тоту, богу съ головою Ибиса «писцу боговъ», «тайному писцу Озириса», который стоитъ передъ вѣсами и записываетъ результаты взвѣшиванья на таблицѣ, которую представляетъ Озирису, главному судѣ, приносящему свой окончательный, безапелляціонный приговоръ.

Вѣдъ эти драматическія картины необыкновенно-живы, потому-что вездѣ главное въ нихъ дѣйствующее лицо—душа покойника—говоритъ, и ея рѣчи, при каждомъ дѣйствіи, изображены іероглифическою надписью. Но въ высшей степени замѣчательно, что въ этой драмѣ Озирисъ не вводится говорящимъ или произносящимъ свой приговоръ. Это очень-понятно. «Книга усопшихъ» давалась при погребеніи покойнику въ руку, чтобъ служить ему путеводною нитью въ будущихъ странствіяхъ въ подземномъ мірѣ. Никто не могъ знать, какой приговоръ произнесетъ надъ нимъ послѣдній судья. Религія учила, что каждый подвергается послѣднему суду; можно было предполагать, что покойникъ, подобно всѣмъ людямъ, предстанетъ предъ трономъ Озириса, но никто не могъ постичь, какой судъ произнесетъ онъ надъ нимъ, и вотъ почему этою сценою оканчивается вся драма. Далѣе «Книга усопшихъ» представляетъ однѣ общія картины и индивидуальныя дѣла у ней болѣе нѣтъ.

Такова сцена суда надъ душою въ Аменте. Когда надъ покойникомъ произносилось благосклонное рѣшеніе, богъ Атху открывалъ ему врата жилища избранныхъ душъ, находящихся на поляхъ Оен-Ро, гдѣ стоитъ дворецъ Озириса. Осужденные же подвергались разнымъ наказаніямъ, которыя составляютъ опять одну изъ любопытныхъ страницъ египетской мифологіи.

«Книги усопшихъ» и изображенія въ гробницѣ Рамзеса V рассказываютъ намъ въ общихъ чертахъ и дальнѣйшія судьбы души послѣ произнесеннаго надъ нею Озирисомъ приговора. Души тѣхъ, кто жилъ на землѣ богобоязненно и праведно, души блаженныхъ, послѣ приговора, произнесеннаго Озирисомъ, приступаютъ къ странствію въ высшія сферы, гдѣ находятся жилища высшихъ боговъ. Голова ихъ украшается страусовымъ перомъ — символомъ истины, и богини Гаторъ и Нуште

съ посвященныхъ имъ деревь жизни изливають на голову ихъ воды вѣчной жизни. Укрѣпленная священной влагой, проходятъ они подземное царство мимо страшныхъ чудовищъ и змѣй и крокодиловъ, пока достигаютъ на Востокъ блаженныхъ (елисейскихъ) полей, гдѣ царствуетъ богъ солнца. Надпись въ царской гробницѣ Рамзеса V описываетъ ихъ судьбу слѣдующимъ образомъ: «эти (то есть души) нашли милость предъ очами великаго бога: они живутъ въ обителяхъ славы, гдѣ ведутъ небесную жизнь. Тѣло, покинутое ими, будетъ вѣчно покоиться въ гробницѣхъ ихъ въ то время, какъ они будутъ наслаждаться лицезрѣніемъ высшаго бога». Эту страну блаженныхъ душъ, лежавшую, какъ и Аменте, на Востокѣ, египетская религіозная фантазія создала себѣ совершенно по образцу той жизни, которую египтяне вели на землѣ. Элизіумъ орошался небеснымъ Ниломъ, Ниломъ, который и въ Египтѣ былъ источникомъ жизни. Виньетки «Книги усопшихъ» изображаютъ все занятія покойника въ этой странѣ и объясняютъ ихъ іероглифическими надписями. Въ это царство вводилъ покойника богъ Тотъ, который велъ точный списокъ всемъ его обитателямъ. Виньетки очень-характеристически изображаютъ все движенія души, которыя овладѣвали покойникомъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ проникалъ въ это царство. Робко, съ опущенными руками, съ понишею головою вступалъ онъ въ него. Но едва окидывалъ онъ взоромъ вокругъ себя и узрѣвалъ волшебную красу небесной страны, какъ воздѣвалъ онъ руки съ удивленіемъ. Наконецъ, опомнясь отъ удивленія, онъ начинаетъ чувствовать, какъ обязанъ онъ благодарить боговъ, и онъ приноситъ дары имъ, у алтаря, стоящаго передъ тремя возсѣдающими божествами, которыя въ надписи называются «три великіе бога». Потомъ на небольшой лодкѣ проѣзжалъ онъ по рѣкѣ мимо многихъ городовъ (какъ и въ Египтѣ), вѣроятно, для того, чтобъ достичь предназначеннаго ему мѣстопробыванія. Здѣсь приносилъ онъ снова жертвы всемірной душѣ (кончикъ съ головою человѣка) и многимъ другимъ богамъ.

Во второмъ отдѣленіи виньетокъ «Книги усопшихъ» изображена жизнь, которую ведетъ покойникъ въ своемъ новомъ мѣстопробываніи. Онъ пашетъ плугомъ, который тянетъ пара быковъ, и засѣваетъ поля; потомъ жнетъ, и быки, которыхъ онъ погоняетъ плетью, молотятъ зерна и собираютъ жатву въ два большіе сосуда. Далѣе души блаженныхъ срываютъ на Елисейскихъ Поляхъ цвѣты и плоды, гуляютъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ, купаются и плаваютъ въ бассейнахъ. Богъ солнца Ра обращается къ нимъ съ рѣчью: «берите ваши серпы, собирайте плоды полей, которые составляютъ ваше достояніе, снесите ихъ въ ваши жилища, наслаждайтесь ими и приносите ихъ въ жертву богамъ, какъ чистый даръ отъ плодовъ полей славы». Наконецъ покойникъ является опять въ трехъ различныхъ лицахъ: онъ благодаритъ боговъ съ воздѣтыми кверху руками, молится на колѣняхъ, положивъ правую руку на сердце, и наконецъ снова приноситъ благодарственную жертву богу



небеснаго Нила, дарователю полевыхъ плодовъ, сидящему на тронѣ, съ головою, украшенною цвѣтами лотоса.

Наконецъ, въ третьемъ отдѣленіи, изображено множество другихъ мѣстностей небесной страны и каждая изъ нихъ имѣетъ свое іероглифическое названіе, которое характеризуетъ ее какъ жилище извѣстнаго бога. Въ числѣ ихъ особенно-замѣчательны двѣ пристани, которыя въ надписи называются: «пристани для кораблей могучихъ боговъ». Эти могучіе боги — солнце и луна, а барки на которыхъ они обтекаютъ небо, изображены въ пристани. Въ то время, какъ греки и римляне изображали Гелиоса на солнечной колесницѣ, запряженной четырьмя огненными конями, египтяне изображали не только солнце и мѣсяцъ, но и всѣ прочія астрономическія божества большую-частью на корабляхъ или лодкахъ. И это не удивительно, потому-что Ниль указывалъ на нихъ, какъ на самое удобное средство сообщенія въ то время, какъ колесница служила у нихъ болѣе для войны.

Такую блаженную жизнь велъ правдивый человѣкъ, соединенный съ Озирисомъ до-тѣхъ-поръ, пока, по прошествіи тысячелѣтій, онъ снова возвращался на землю. Одно это вѣрованіе древнихъ египтянъ можетъ объяснить беззливую заботливость, съ которою они старались предохранить трупъ человѣческой отъ тлѣнія и скрыть его въ непроницаемыхъ гробницахъ.

Совершенно-другая участь ожидала души осужденныхъ, которыхъ сердце на всѣхъ правосудія оказывалось слишкомъ-легкимъ. Еще Геродотъ (II, 123), говоря о томъ, что египтяне первые учили, что человѣческая душа безсмертна, прибавляетъ, что она, по мнѣнію ихъ, разставшись съ тѣломъ, тотчасъ должна была перейти въ другое тѣло. Это переселеніе душъ, которое должно почитать наказаніемъ и очищеніемъ (душа должна была пройти всю лѣствицу страданій, претерпѣваемыхъ живыми существами на землѣ), касалось только тѣхъ, которые вели на землѣ грѣховную жизнь и вышли неоправданными изъ суда Озириса. Душа проходила чрезъ тѣло всѣхъ животныхъ и возвращалась въ человеческое тѣло, а по Теофрасту, въ старое прежнее тѣло человѣка, только по прошествіи 3000 лѣтъ. Вѣроятно, это число имѣетъ астрономическое и астрологическое значеніе. По Платону оно происходило чрезъ 10,000 лѣтъ, а по другимъ даже чрезъ 36,000 лѣтъ, когда всѣ созвѣздія вступали въ то первоначальное положеніе, которое они занимали при созданіи міра.

Вѣрованіе египтянъ въ переселеніе души человѣческой въ тѣла животныхъ доказывается памятниками. Въ гробницѣ Рамзеса V есть изображеніе души, осужденной Озирисомъ: злые демоны, въ видѣ обезьянъ, изгоняютъ ее, превращенную въ свинью (символомъ прожорливости). Ясно, что въ этой свиньѣ, которая находится въ лодкѣ, означающей опять долгія странствія, заключается душа человѣка. Но тутъ въ египетскихъ религіозныхъ представленіяхъ встрѣчается нѣсколько темныхъ

пунктовъ, которые необъяснены до-сихъ-поръ: душа, совершивъ огромный кругъ странствій на землѣ, до тѣхъ ли поръ должна была продолжать ихъ, пока на суду Озириса признавалась чистою и тогда уже принималась въ обитель лѣта и жизни? или ей предстояло еще двойственное наказаніе въ темныхъ адскихъ пространствахъ подземнаго міра, смотря по мѣрѣ ея прегрѣшеній? Именно, въ гробницѣ Рамзеса есть рядъ изображеній, представляющихъ пытки и мученія, которымъ подвергаются души грѣшниковъ въ тѣхъ пространствахъ подземнаго міра, которыхъ—по надписи надъ изображеніемъ египетскаго ада въ гробницѣ Рамзеса V, «никогда не освѣщаетъ богъ солнца своими лучами». Въ семидесяти-пяти отдѣленіяхъ этого пространства, сторожимыхъ такимъ же числомъ страшныхъ демоновъ, вооруженныхъ мечами, изображены частью въ лицѣ человѣка, частью въ видѣ души (человѣческая голова на птичьемъ тѣлѣ), черныя цвѣтомъ души грѣшниковъ, мучимыя краснокожими демонами. Надъ каждымъ отдѣленіемъ ада надписанъ тотъ грѣхъ, за который страдаютъ грѣшники, и родъ назначенной имъ казни. Одни привязаны къ столбамъ и демоны разсѣкаютъ ихъ тѣло мечами, другіе длинными рядами идутъ безъ головы: одни повѣшены за ноги головою внизъ, другіе идутъ съ связанными руками и тащатъ за собою вырѣзанное свое сердце, наконецъ третьихъ варятъ въ огромныхъ котлахъ вмѣстѣ съ ихъ вѣрами—знакомъ драгоценной жителямъ Востока прохлады и символомъ покоя. Мы видимъ, что человѣческая фантазія во все времена, какъ въ египетской древности, такъ и въ дни мрачнаго Данта, была весьма плодотворна на изобрѣтеніе ужасовъ и мукъ всехъ родовъ.

Трудно рѣшить, какимъ-образомъ древніе египтяне воображали себѣ это двойственное наказаніе грѣшныхъ душъ. Переселеніе и странствіе въ тѣлахъ животныхъ и адскія муки, происходили ли онѣ въ различныхъ промежуткахъ времени, или адскія наказанія ожидали только тѣхъ, которыхъ не исправляли ни странствія въ образѣ животныхъ, ни странствія во вторичномъ человѣческомъ видѣ?

Можетъ-быть, этотъ вопросъ можно рѣшить такимъ образомъ, что въ развитіи религіозныхъ представленій древнихъ египтянъ слѣдуетъ допустить двѣ различныя эпохи. Ученіе о непосредственномъ воздаяніи за земную жизнь—награда или наказаніе, можетъ-быть, было древнѣйшимъ; а представленіе о странствіи душъ—юнкѣйшимъ ученіемъ. Въ самомъ-дѣлѣ въ возможности достигнуть конечнаго успокоенія, конечнаго покоя—этой цѣли всехъ стремленій восточнаго человѣка—видѣн шагъ впередъ въ развитіи египетской естественной религіи.

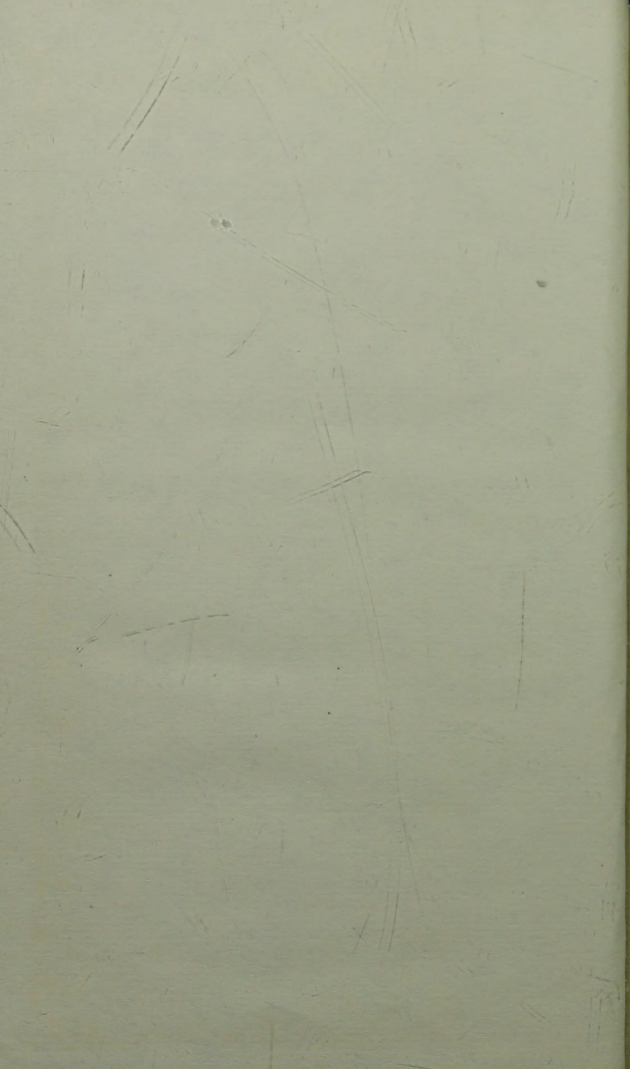
Горно-Алтайскій  
ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКІЙ МУЗЕЙ  
БИБЛИОТЕКА

К. ГЁРЦЪ.

Инв. №

193-54







ИМРА КТ оф 8218/129  
БК 1188  
АС 10831  
ПК 19321088

